ДБ
350
Г43
Гессен, С
Солдатские
волнения...
М., 1929 г.

10

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ БИБЛИОТЕКА

СЕРГЕЙ ГЕССЕН

СОЛДАТСКИЕ ВОЛНЕНИЯ В НАЧАЛЕ XIX ВЕКА

ИЗД-ВО ПОЛИТКАТОРЖАН МОСКВА

1929

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ БИБЛИОТЕКА
ПО ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ В ОЧЕРКАХ, ВОСПОМИНАНИЯХ И БИОГРАФИЯХ

1929 г. № 10

ДБ
350
Г43

СЕРГЕЙ ГЕССЕН

СОЛДАТСКИЕ ВОЛНЕНИЯ В НАЧАЛЕ XIX века

14182/4

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА
ПОЛИТКАТОРЖАН и СС.-ПОСЕЛЕНЦЕВ
Москва — 1929

3 экз.

2855

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
533091

Главлит № А 47768 Заказ № 1402 Тираж 7000 экз.

Книжная ф-ка Центрального Изд-ва Народов СССР. Москва, Шлюзовый пр., 6

ПРЕДИСЛОВИЕ.

В истории русского революционного движения армии принадлежит выдающееся место. Правительство постоянно остро ощущало полную зависимость от воинской силы и всеми средствами стремилось утвердить и удержать свое влияние на нее. Но это явно была попытка с негодными средствами. Глубокие внутренние противоречия и разлад, существовавшие между общественными низами и правящей верхушкой, нисколько не уменьшались и не изживались от того только, что крестьянина (или, позднее, рабочего) облачали в солдатский мундир. Пропасть между правительством и армией с годами все более углублялась. Впервые явственно трещина эта проступила в начале XIX столетия, после войн с Наполеоном, вообще сильно способствовавших дифференциации отношений между правительством и различными общественными классами.

Архивохранилища наши содержат огромное количество солдатских дел, относящихся к первым десятилетиям минувшего столетия. В настоящее время Ленинградская и Московская секции по изучению декабристов и их времени при Обществе политкаторжан и ссыльно-поселенцев намерены приступить к разработке этого богатейшего материала, который должен лечь в основу капитального труда о солдатских волнениях в начале XIX века. Но существенно важным пред-

ставляется еще до того суммировать уже известные нам данные и мозаически, по кусочкам, воссоздать картину этих солдатских настроений и солдатских волнений, сыгравших крупную роль в последующем развитии революционного движения.

Солдатский быт в начале XIX столетия.

«Стать под государевы знамена вменяют в наказание провинившемуся гражданину, тогда как он должен быть представитель славы своего отечества... Солдат армии обречен на 25 лет службы; оставляя отчий дом, а часто жену и детей, уходит безнадежен когда-либо насладиться мирной жизнию под родным кровом, в кругу близких; уныние, тоска в сердце. Не уважая себя, не любя своего звания, действует из одного побуждения страха, развращается, не боится штрафа, не полагая когда-либо воспользоваться отставкой, и если тысячный и достигает назначенного срока, то он не дослуживает, а доживает узаконенное время».

Так характеризовал солдатскую службу в 1826 г. драгунский капитан Якубович, в письме к Николаю I из Петропавловской крепости, куда был заключен в числе прочих «мятежников 14 декабря». В этой трагической картине нет преувеличения. Кажется, и вообще никакие краски не могли оказаться слишком мрачными для описания солдатского быта тех времен. Уже одна длительность военной службы убивала в рекруте всякую надежду на возвращение к нормальным условиям жизни, из которых его внезапно вырывал рекрутский набор. «Срок для службы,—писал декабрист Пестель,—определенный в 25 лет, до такой степени через всякую меру продолжителен, что мало

солдат оный проходят и выдерживают, и потому с самого младенчества привыкают они взирать на военную службу, как на жесточайшее несчастье и почти как на решительный приговор к смерти».

Даже высшие военные власти, видимо, сознавали непреоборимую тягость такого порядка вещей. Вопрос о сокращении солдатской службы не раз возникал в правительстве, но всегда, под тем или иным благовидным предлогом, снова откладывался в долгий ящик. В 1811 г. составлен был проект, согласно которому солдаты должны были служить вместо 25-ти только 12 лет, но проект этот осуществлен не был, ибо в воздухе чувствовалась уже новая война. По окончании ее, в 1817 г. бар. Дибич проектировал сокращение службы нижних чинов до 15 лет, по истечении которых, они, по собственному желанию, могли либо продолжать служить, либо возвращались к помещику, но уже не на положение крепостных, а оставаясь лишь прикрепленными к земле. Но и эти предположения не имели успеха. Только в 1818 г. срок службы сокращен был, но всего на три года, и то мера эта распространилась лишь на нижних чинов гвардейского корпуса. Армейские солдаты попрежнему должны были служить 25 лет, исключая однодворцев, малороссийских казаков, военных поселян и некоторых других, получавших отставку через 15 лет [1]).

К этому еще должно добавить, что штрафные солдаты служили бессрочно. Но и тех, кому, ка-

[1]) Следует отметить, что еще прежде того, в 1816 г., в царстве Польском установлен был 16-летний срок службы. Александр I вообще к польским войскам относился более милостиво и благосклонно. Так, будучи в Польше, он наградил солдат вчетверо более, нежели русских, не исключая и тех, которые имели раны, полученные на службе Наполеону. Все это, конечно, должно было производить крайне неблагоприятное впечатление на русских солдат.

залось, улыбнулось счастье в виде долгожданной отставки, ожидала часто незавидная участь. Салтыков-Щедрин рассказывал о солдате, который, за выслугою лет, вернулся в родную деревню и, не найдя там ни кола, ни двора, вынужден был ходить по базарам и ярмаркам с ученым зайцем, который бил в барабан и вытягивался во фрунт. Этот солдат, конечно, не выдуман, а списан с натуры. Правительство нисколько не заботилось обеспечить старость тех, которые на службе ему убили и лучшие годы, и самое свое здоровье. Отставные солдаты, давно отвыкшие от мирного труда, больные и дряхлые, обрекались на полуголодное существование, обращаясь в бездомных бродяг, пробавляющихся подаянием.

При самом же рекрутском наборе сплошь и рядом господствовал полный произвол. В «Истории села Горюхина» Пушкин замечал, что «рекрутство было торжеством корыстолюбивому правителю (приказчику), ибо от оного по очереди откупались все богатые мужики». И эта картина, конечно, списана с натуры. Естественно, что рекрутство всей своей тяжестью ложилось на плечи бедняцкого крестьянства, не имевшего средств давать взятки и откупаться.

Неудивительно и то, что очень часто рекрутов к месту их нового служения приходилось отправлять со связанными руками и с набитыми на ноги колодками. Уже несколько позднее, бывший декабрист, тогда либеральствующий предводитель дворянства и друг Герцена, А. А. Тучков, говаривал рекрутам: «Надеюсь, вы не будете ни бегать, ни увечить себя, я не буду сажать вас в кандалы, как это делают другие, но вперед говорю вам: кто отрубит себе палец или убежит, того отдам, хотя после, хотя без зачета». Когда наступал момент отправки, «проводы рекрутов ничем не отличались

от проводов на кладбище: те же рыдания, обмороки, та же безнадежность...».

Отсюда ясно, что уже при самой вербовке рекрута в сознании его должен был совершаться решительный перелом, вытекавший из очевидного и безвозвратного отрыва от старой жизни и вступления в военный класс, который, по выражению декабриста Раевского, составлял «как бы отдельную часть народа». У правительства имелся, конечно, свой расчет. С течением времени солдат должен был утрачивать всякую связь с деревней, с землею и представлять из себя сырой материал, из которого начальник мог по своему произволу лепить нового человека. И этот процесс перевоплощения должен был совершаться тем скорее, чем острее сознавал вербуемый, что ему уже навсегда суждено тянуть солдатскую лямку. «Искусное устроение махины управления весьма постоянно действует,—писал тот же Раевский,—и солдат начинает рассуждать и действовать так, как определено ему рассуждать и действовать».

Но раньше или позже должен был наступить такой момент, когда солдат станет сперва «рассуждать», а потом и «действовать» не по указке начальника. Летописи русской истории и прежде того часто перемежались кровавыми страницами, вписанными теми, кому по уставу полагалось только исполнять волю своих повелителей. На рубеже XVIII века памятной вехой остался стрелецкий бунт. И затем, на протяжении всего столетия, российским самодержцам приходилось остро ощущать свою зависимость от армии, в особенности от гвардии.

Ведшая свою родословную от петровских «потешных», гвардия в своей организации преследовала разнородные цели. Она должна была служить образцом для остальных войск и формировать в

своих рядах командный состав для армейских частей. В военное время гвардии, в качестве отборного войска, надлежало быть последним и решающим резервом. Но главное значение ее заключалось в личной охране самодержца. Эта-то последняя задача понималась иногда весьма превратно балованными гвардейцами. Штыки избранных царских телохранителей неоднократно являлись непререкаемой силой, низлагавшей одних императоров и помогавшей другим, своим ставленникам, одолевать обагренные кровью ступени трона.

Такая роль гвардии могла отчасти объясняться привилегированностью ее состава. Рядовой массив гвардии комплектовался исключительно дворянской молодежью, для которой эта солдатская служба в отборном войске являлась неминуемым этапом на пути к первому офицерскому чину. В свою очередь, она и под ружьем не утрачивала, конечно, сознания своей связи с правительственной верхушкой и тем легче диктовала и осуществляла свои требования.

В таком виде и на таких началах гвардия,—численно небольшая, состоявшая всего из четырех полков,—просуществовала до самого конца XVIII столетия. Во время наполеоновских войн гвардия, развернувшаяся в отдельный гвардейский корпус, значительно увеличилась количественно и, что много важнее, утратила присущие ей прежде черты кастовой обособленности. Уже Павел отчасти разжижил ее своими пресловутыми гатчинцами. А вслед затем высшее командование решительно отказалось от принципа комплектования гвардии дворянскими отпрысками. Впредь царские телохранители вербовались обыкновенно из отборнейших солдат гренадерских и кирасирских полков, которые, в свою очередь, комплекто-

вались из наиболее заслуженных и видных солдат прочих армейских полков.

Таким образом, рядовой состав гвардии резко изменил свой социальный облик. Одновременно с тем жестокая муштровка и повышенная требовательность, сопутствовавшая передвижению солдата из армии, с периферии в центр, умаляла, если и вовсе не уничтожала, преимущества, связанные со служением в привилегированном войске. Гвардейский солдат должен был обращаться в такой же бессловесный автомат, как и его армейский собрат. Авторитет власти основывался как в гвардии, так и в армии в целом, главным образом, на страхе наказания. Кажется, никому из чинов высшего командования не приходила в голову возможность применения при обучении солдат иных «педагогических» приемов, нежели тесаки, лозаны, палки либо, что еще проще, обыкновенные кулаки. Даже один из наиболее просвещенных представителей этого мирка, ген. Закревский, в письме к еще более просвещенному и передовому ген. Киселеву, другу многих будущих декабристов, делился своеобразной апологией палочной дисциплины. «Нежность и приветствие пустое есть вред настоящий для службы,—писал он,—и давать солдату чувствовать, что не может его наказывать унтер-офицер или фельдфебель, это значит внушать солдату нашему их не слушать. Наш солдат не есть иностранный, его надо держать в руках и чтобы боялся поставленных над ним начальников, которые имеют право всегда его наказывать». Заметим, что просвещенному генералу даже не мыслилась, очевидно, возможность лишения офицеров права наказывать.

В начале царствования кокетничавший либеральными идеями император Александр обратил внимание на нечеловеческую жестокость взыска-

ний, которым подвергались нижние чины за малейший промах. В секретном приказе от 1804 г. государь указывал, что неповиновение командиру, побег с поля сражения, грабеж, обман, своевольная отлучка, небрежность в отношении амуниции и пр. неизменно должны быть строго наказуемы. Но всевозможные ошибки солдат во время учения требуют от офицеров отнюдь не применения розги и палки, а только большей внимательности к провинившемуся, особенно ежели этот последний недавно вступил в военную службу. Александр доказывал прямой вред «частых безрассудных наказаний», дурно отражающихся как на природной сообразительности солдата, так и на его здоровьи. Доказать это не представляло труда. Госпитали были переполнены жертвами офицерского усердия.

Но то, что так складно и убедительно выходило на бумаге, выливалось совсем в иные формы на практике. Самый царский приказ, формулированный со свойственной Александру неясностью и расплывчатостью, оставлял широкое поле деятельности любителям телесных наказаний. Да они, впрочем, и не намеревались укладываться в рамки, начертанные умеренным великодушничанием Александра. После этого приказа палка продолжала столь же усиленно гулять по солдатской спине, как и прежде того.

Между тем, удовлетворить по тем временам требованиям начальства было трудно исполнимым делом, при исключительно развитой фрунтомании. Для иллюстрации упомянем, что в декабре 1816 г. приказом установлена была единообразная скорость шага: при тихом марше от 72-х до 75-ти шагов в минуту, а при скором—от 107 до 110 шагов. Цесаревич Константин, сам отчаянный фрунтовик, саркастически замечал, что «ныне завелась

такая во фронте танцевальная наука, что и толку не дать... Я более двадцати лет служу,—добавлял он,—и могу правду сказать, что во время покойного государя был из первых офицеров во фронте, а ныне так премудрено, что и не найдешься». Другой раз Константин зло острил, что гвардия теперь сможет промаршировать и вверх ногами, ежели ей прикажут. Даже из среды высшего командования раздавались подчас голоса возмущения этой дикой фрунтоманией и парадоманией, но дело от этого нисколько не менялось.

Декабрист Розен вспоминал такой характерный случай. Однажды после учения в манеже он спросил у некоего полковника Люце, одного из лучших знатоков экзерцирмейстерского дела, присутствовавшего при учении, о его впечатлениях. «Приемы все хороши и правильны, — отвечал Люце, — шаг хорош, равнение превосходно, но в стойке чего-то не достает... При стойке прикажите людям прижимать, сжимать задние щеки, и будет тотчас другая стойка и выправка». Этот же Люце в другой раз на подобный же вопрос ген. Бистрома отвечал полным одобрением, заметив только, что когда батальон стоит на месте, «то жаль, что приметно дыхание солдат; видно, что они дышат».

Картина окажется далеко неполной, если не сказать несколько слов о солдатской амуниции и одежде. Обмундирование нижних чинов преследовало чисто показные цели, и значение его, в смысле предохранения солдата от холода и дурной погоды, отступало далеко на задний план. Так, еще в 1827 г. обращено было внимание на то, что в некоторых полках шинели и в особенности воротники неудобны для носки и плохо застегиваются. Михаил Павлович, менее всего памятный заботами о солдатском благополучии, и тот должен был на-

поминать, что «шинель солдату дается не просто для щегольства, но для предохранения оного от погоды», что чехол, оберегающий шинель от дождя, «не есть прикраса, и следовательно выводить в строй с шинельными чехлами, соломою или картузною бумагою набитыми, оставляя шинели дома, значит терять из виду пользу его употребления, превращая полезнейшую вещь в обманчивую только наружность».

Солдатский кивер (головной убор), сделанный из кожи и металла, весил несколько фунтов и пригонялся на голову вплотную, причем так притягивался к подбородку, что у солдат глаза вылезали на лоб. Ранцевые ремни на груди затягивались настолько туго, что бывали случаи, когда солдаты в строю лишались сознания. И т. д., и т. п.

Недаром солдаты сложили сказку о том, как один рядовой продал душу чорту с тем, чтоб этот последний отслужил за него. И не успел солдат вполне насладиться дорого купленной свободой, как чорт в ужасе прибежал к нему, бросил к ногам его амуницию, отказался от солдатской души и сбежал обратно в ад.

И было от чего. Солдат прогоняли сквозь строй, избивали до смерти палками, шпицрутенами, тесаками, всячески насиловали, на учениях командиры вырывали усы у провинившихся, плевали им в лицо, либо заставляли солдат плевать друг в друга. Блестящий пример варварства подавали сами великие князья и Аракчеев. Их строгие последователи, так называемые «бравые капитаны», сплошь и рядом не видавшие порохового дыма и делавшие карьеры исключительно на солдатских спинах, в истязаниях своих доходили до настоящего садизма. Некий майор Вержейский прославился тем, что провинившихся солдат на ночь привязывал, в висячем положении, на манер распятия. Он

же дал одному унтер-офицеру 700 ударов палками и тесаками по обнаженному телу и, возмущенный тем, что наказуемый не кричал и не молил о пощаде, велел принести соли и, втерши ее в окровавленную спину унтера, дал еще 300 ударов.

Таковы были представители штаб и обер офицеров. Не лучше был и высший командный состав. Генерал Левашев однажды велел наказать вахмистра, не понявшего его приказания. Вахмистра секли в соседней комнате, покуда Левашев обедал, от времени до времени покрикивая: «Не слышу ударов!» Обеды в ту пору длились долго. Когда, наконец, убрали со стола, вахмистра унесли в госпиталь, где он вскоре скончался.

Памятником этого тиранства осталась пространная песня, сложенная солдатами, под названием «Жизнь солдатская»:

«Я отечеству защита,
А спина всегда избита,
Я отечеству ограда,
В толчках и палках вся награда.
Кто солдата больше бьет,
И чины тот достает...
О, солдат, ты горемыка,
Хуже лапотного лыка.
Твоей жизни хуже нет,
Знает про то белый свет,
Тебя дуют, тебя бьют,
Так, как полосу, куют.
Тебя палкой бьют по роже,
А собаку чтут дороже,
Выбивают тебе зубы,
Разбивают нос и губы...
Не тужи, небось, служивый,
Твой предел весьма счастливый:
В службе ходишь ты с ружьем,
А в отставке с костылем.

А когда не пойдешь в нищи,
То умрешь, мой друг, без пищи.
Я уверен в том и тверд,
Что хотя бог милосерд,
Но я знаю, что он с неба
Не пришлет на пищу хлеба...»

В офицерских кругах темой собеседования нередко служил вопрос о сравнительной пользе частых и редких наказаний солдат — лучше ли бить его часто, но понемногу, или редко, но основательно? И декабрист Якушкин вспоминал одного батальонного командира, барона Дамаса, впоследствии французского министра, отстаивавшего редкие наказания, с тем, однако, чтобы солдату всякий раз давать никак не менее двухсот палок. Отсюда естественными становились и происшествия, подобные тому, о котором рассказал знаменитый актер М. С. Щепкин. Как-то в Курске, в его присутствии, один офицер заключил с другим пари на 500 руб. в том, что солдат его роты выдержит 1000 палок и не упадет. Хозяин, по отзыву Щепкина, был благородным человеком, но не нашел никаких возражений. Призвали солдата.

— Степанов, — сказал ему ротный, — синенькую и штоф водки. Выдержишь 1000 палок?

— Рад стараться, ваше благородие.

Потрясенный Щепкин подошел к солдату с вопросом, как мог он согласиться на это. «Все равно даром дадут», разъяснил тот. Но Щепкин не мог успокоиться и поспешил к полковому командиру, которому сообщил о зверском пари. У командира сидели гости, и сообщение было покрыто восторженным смехом. Рассказ Щепкина сопровождался беспрерывными восклицаниями по адресу инициаторов: «Ах, какие милые шалуны!» «Вот каков русский солдат!».

В этих условиях военные действия являлись единственной мыслимой отдушиной, сквозь которую в каторжный строй солдатской жизни проникали иные веяния. В походах и на бивуаках тяжелые условия боевой жизни с лихвой искупались тем, что невольно ломались жесткие, убийственные рамки плац-парадной муштры. Если, конечно, не уничтожалась вовсе, то отчасти все-таки стиралась пропасть между нижними чинами и командным составом, объединяемыми общими трудами и опасностями. Наконец, солдат неизбежно переставал чувствовать себя только игралищем в руках начальства, сознавая, что весь тот строй, жертвою которого он являлся, в конечном счете опирался и держался на нем же.

Вследствие этого, война 1812 года и последовавшее за ней длительное пребывание русских войск за границей сыграли огромную роль в пробуждении солдатского самосознания. Наблюдая воочию армейский быт в оккупированных областях, солдаты видели вопиющую разницу. И каждое проявление гражданской жизни завоеванной страны, столь разительно не схожей с тем, к чему они привыкли на родине, не могло не откладываться в их сознании. Декабрист Якушкин, участник войны, отмечал, что она «пробудила народ русский к жизни. Даже между солдатами не было уже бессмысленных орудий: каждый чувствовал, что он призван содействовать в великом деле».

Между тем, солдатские надежды на то, что колоссальное напряжение, проявленное ими, отразится на их судьбе, должны были заглохнуть в самом зачатке. В конце 1812 года император Александр приехал в армию и первым делом обратил внимание на то, что войска утратили механическую выправку и не столь уже исполнительны в соблюдении воинского артикула и формы. Государь не

придумал ничего лучшего, как настаивать на заведении смотров и подтягивании солдат, измученных тяжелыми походами и ежечасно рисковавших жизнию. Выводы напрашивались сами собой: ждать и надеяться было не на что.

И вот в солдатских массах начинает проявляться дух протеста. Он еще не успел отстояться и выкристаллизоваться в нечто единое, монолитное, и обычно выливался в формы чисто индивидуального протеста, реально выражавшегося в том, что отдельные солдаты, либо целые группы, самовольно покидали свои части, чтобы навсегда остаться на чужбине. Один артиллерийский офицер, рота которого квартировала в Эперне, вспоминал, что когда отдан был приказ о выступлении роты в Россию, в парке не досчитались 17 рядовых. Они бежали к своим хозяевам, у которых работали во время оккупационной стоянки. Тогда же граф Ростопчин возмущался, в письме к жене: «Суди сама, до какого падения дошла наша армия, если старики унтерофицеры и простые солдаты остаются во Франции, а из конногвардейского полка в одну ночь дезертировало 60 человек, с оружием и лошадьми. Они уходят к фермерам, которые не только хорошо платят им, но еще отдают за них своих дочерей».

Конечно, никакие шпицрутены не могли убить в солдате однажды проснувшееся самосознание, а только загоняли его глубже, где оно таилось под личиной повиновения. Когда оккупационные войска прибыли, наконец, к русской границе, среди офицеров ходили слухи (конечно, преувеличенные), будто до сорока тысяч нижних чинов осталось во Франции и, впоследствии, ни один не вернулся, вопреки обещанию Александра I не подвергать их наказанию и принять на свой счет путевые издержки. В этом, во всяком случае, была доля прав-

ИСТОРИЧЕСКАЯ

ды. В 1817 г., командующий Грузинским корпусом ген. Ермолов ходатайствовал о разрешении обращать в казаки возвращающихся из-за границы солдат. «Я распространял сие на одних попавшихся в плен, по разным случаям, но не на изменников или беглецов, — раз'яснял он. — Сие заставит их к нам возвратиться, чего теперь они не делают, избегая опять попасться в тягостную в полках службу». Отсюда очевидно, что не только дезертиры, но и освобождавшиеся военнопленные не хотели возвращаться в Россию. «Часть солдат заразилась французским ядом и желала для себя такого же обхождения, к какому они привыкли во Франции», вспоминал декабрист Розен.

Наиболее просвещенные и разумные члены высшего командования сознавали необходимость внесения существенных коррективов в формы солдатского служения. В 1815 г. гр. Воронцов командовавший оккупационным корпусом во Франции, издал приказ, согласно которому офицеры подвергались строгой ответственности за неосновательное наказание солдат, совершенно запрещенное за ошибки на учении. Да и вообще, благодаря ряду ограничительных оговорок, офицеры почти вовсе утрачивали возможность наказывать нижних чинов. Вслед затем, в 1817 г., гр. Витгенштейн, главнокомандующий 2-й армией, специальным предписанием запретил телесное наказание солдат за ошибки и недочеты во фронте. Многие из будущих декабристов, генералы Орлов, Волконский, Фонвизин, упорно выводили в своих частях шпицрутены и палки. Еще много прежде того, в 1810 году, тогдашний военный министр Барклай-де-Толли приписывал увеличение в войсках заболеваемости и смертности злоупотреблениям жестокими наказаниями. Особым циркуляром министр обращал внимание генералитета на полнейшую ненормальность

«всю науку, дисциплину и воинский порядок основывать на телесном и жестоком наказании».

Но эти отдельные, хотя в некоторых случаях и весьма авторитетные, попытки смягчить жестокость военных нравов едва ли имели сколько-нибудь существенное значение. С течением времени циркуляры и приказы, подобные помянутым выше, забывались не в меру ретивыми исполнителями и забывались тем скорее, чем сильнее развивалась в императоре Александре фрунтомания и парадомания.

Возвращаясь из-за границы, солдаты находили дома старые порядки, варварство которых еще сильнее подчеркивалось отдельными воинскими частями, в которых гуманные начальники пытались, и весьма успешно, строить отношения между командным составом и нижними чинами на иных основаниях. Командир 16-й пех. дивизии, член тайного общества, ген. М. Ф. Орлов, решительно выводил в своих частях телесные наказания. А командир 17-й пехотной дивизии, расположенной рядом, ген. Желтухин, тогда же внушал одному из своих батальонных командиров: «Сдери с солдат шкуру от затылка до пяток, а офицеров переверни кверху ногами, не бойся ничего, — я тебя поддержу»..

Подобные советы и подобные приемы являлись лишь главным звеном той цельной и законченной системы, которая казарму обращала в каторжный острог.

Чрезвычайно тяжело действовала на солдат полнейшая материальная необеспеченность. Жалованье нижних чинов было до-нельзя ничтожно. Армейские солдаты получали по 9 р. 50 коп. в год, гвардейцы несколько больше — от 13 и до 22 руб., да еще по 3 руб. именинных. И еще отсюда умудрялись делать вычеты. Высчитывали с солдат даже за розги, изведенные на их спинах. Как будто могли способствовать улучшению солдатского

благосостояния так называемые «вольные работы». Каждый год летом, после императорского смотра, известную часть солдат отпускали месяца на полтора-два для заработков на стороне, а беднейших увольняли и в иное время. Таким путем могли пополняться и личный бюджет солдата, и артельные суммы. Но на практике и эта мера, направленная к улучшению быта нижних чинов, часто обращались против них. Радея о собственном хозяйстве, командиры не редко использовывали право своих подчиненных отлучаться на работы в своих интересах. Делалось это чрезвычайно легко: они попросту отправляли солдат в свои имения, где эти «крестьяне в мундирах» обрабатывали земли своих начальников. Подобные мероприятия ложились тяжестью не только на самих посылаемых, но и на их товарищей, остававшихся в казарме и вынуждавшихся вдвойне нести тяготы службы. Нечего говорить, что такие «вольные» работы исполнялись солдатами безвозмездно.

Из артельных же сумм, пополнявшихся тяжелым вольнонаемным трудом, опять таки черпало не только солдатское общество, но и те же полковые, батальонные и ротные командиры, в свою очередь не могшие и не хотевшие существовать на скудное жалование. Выгадывали они и на солдатском продовольствии, и без того крайне плохо поставленном. Солдаты получали достаточное количество муки, соответствовавшее 3 фунтам печеного хлеба в день. Но мука часто выдавалась негодная, с примесью песка. Недаром ген. Сабанеев замечал, что такого хлеба и «собака есть не будет». Приварок же выдавался деньгами, *на мясо 72 коп. и на соль 24 коп. в год*, при чем и эти деньги удерживались из солдатского жалованья. И несмотря на это, многие командиры умудрялись еще наживаться на солдатском довольствии. В. Ф. Ра-

евский приводил такой случай, не нуждающийся в комментариях. «33-го Егерского полка поручик Коломийцев арестован был... за то, что не хотел принять гнилой муки из тираспольского магазейна для батальона. «Я тебя продержу под караулом до тех пор, пока ты не поешь все эти 25 четвертей»,— сказал ему, сажая под арест, ген. Желтухин... Солдаты при тягости караулов должны были есть несколько месяцев хлеб, которого не смел бы дать приказчик домашним животным у богатого помещика».

Создавалось такое положение, при котором даже те меры, которые, как будто, должны были содействовать облегчению участи солдата, в конечном итоге обращались ему во зло. Так было и с отпусками, необходимость которых диктовалась правительству огромностью армии, пожиравшей значительную часть бюджета. В виду этого правительство, в принудительном порядке, распускало огромные массы рядовых в отпуск. Что ожидало многих из них в отпуску, нетрудно угадать. Декабрист А. В. Поджио записал такую картинку: «Я сам был очевидцем того, что насильно солдат отправляли в отпуск для составления числа отпускаемых, ибо часто сей солдат, не имея пристанища у себя, вдавался к прошению подаяния... Я сам был раз свидетелем в 23-м году, когда рядовой один в мундире, с медалью на груди пришел к помещику просить: чего же? Хлеба! Я был сам в мундире и, признаюсь, мне горько сие было».

И опять-таки высшее командование, в лице лучших своих представителей, сознавало необходимость принять меры к улучшению материального положения солдата. Об этом писал в 1822 г. дежурному генералу Закревскому начальник штаба

2-й армии Киселев. «Главная часть пайка, жалованья и заработанных денег, — замечал он — поступает не в прямую пользу солдата, но для полка и в помощь явной бедности офицеров. Солдаты сие знают, и хотя молчат, но недовольны». Командир Гвардейского корпуса Васильчиков также находил нужным повысить солдатское жалованье, «чтобы предупредить всевозможные требования».

Но все это не достигало цели. И голодный солдат, постоянно находясь под страхом зверского наказания, целый день занятый каторжным учением, караулами и пригонкой амуниции, все более, все острее сознавал жестокую ненормальность своего положения. Это чувство, как мы уже говорили, несравненно усилилось еще после наполеоновских войн и длительного пребывания за границей. Влияние впечатлений, вынесенных оттуда, было чрезвычайно широко, ибо, наряду с регулярными войсками, за границей побывали огромные массы милиции и ополчения. Солдаты вернулись на родину подлинно другими людьми. В 1816 г., известный журналист Греч попал на обед, устроенный одной масонской ложей гвардейским фельдфебелям и унтер-офицерам. Он поражен был поведением этих последних, державших себя с чувством собственного достоинства и пересыпавших разговор французскими фразами. В 1820 г. министр внутр. дел гр. Кочубей расспрашивал о солдатских настроениях В. Н. Каразина и получил разъяснения весьма неутешительные.

«Солдаты, возвратившиеся из-за границы, — докладывал Каразин, — и наипаче служившие в корпусе. во Франции находившемся, возвратились с мыслями совсем новыми и распространяли оные при переходе своем или на местах, где они квартируют... Люди начали больше рассуждать. Судят, что трудно служить, что большие взыскания, что

они мало получают жалованья, что наказывают их строго и пр.». Министр обеспокоился и спросил, найдутся ли среди солдат люди, способные принять на себя начальство в случае какого-нибудь мятежа. И Каразин отвечал: «Кто знает? Между солдатами есть люди весьма умные, знающие грамоту. Много есть солдат из бойких семинаристов, за дурное поведение в военную службу отданных... Есть... и из дворовых весьма острые и сведущие люди; есть управители, стряпчие и прочие из господских людей, которые за дурное поведение или за злоупотребление отданы в рекруты. Они так, как и все, читают журналы и газеты».

Этим переродившимся солдатам уже труднее было мириться и с палкой, и с бессмысленной муштровкой, и с нищенским содержанием. Героическое участие в длительных войнах, казалось, давало им право на перемены не только в их участи, но и в участи той крепостной массы, из которой они вышли. Однако перемены эти не приходили. В солдатской среде проявлялось явное недовольство, со временем могущее вылиться в открытое движение. Ропот все более усиливался, становился явственнее. Появился, на первый взгляд неожиданный, культ Наполеона, которого, в бытность свою во Франции, солдаты противопоставляли ничтожному Людовику XVIII, а по возвращении в Россию императору Александру, который все более и более устрачивал обаяние в военной среде.

Настроения эти нашли любопытное отражение в приказе по оккупационному корпусу гр. Воронцова от 22 февраля 1816 г.: «Я получил от некоторых жителей жалобы, что из стоящих у них наших воинских чинов иные в разговорах хвалят Бонапарта и хулят теперешнее правление. Я им отвечал, что сие не может быть другое, как шутки, ксими наши, стоя иногда у людей, приверженных

королю, хотят, может быть, отмстить за дурное обхождение хозяев, и что никакой русский не может предпочесть разорителя Москвы почтенному и благодетельному королю, ныне здесь управляющему». При этом Воронцов настойчиво требовал решительного прекращения подобных толков.

Русский генерал, конечно, иначе и не мог объяснять подобные настроения. Но в действительности надо полагать, что этот своеобразный культ Наполеона, «Наполеонушки», как называли его солдаты, зиждился на том, что с его именем в представлении их связывались последние отзвуки военной освободительной политики Франции. Интересно, что позднее, на гребне солдатского волнения. в начале 1820-х гг., солдаты «молили бога, чтоб дал войну и опять послал Наполеонушку».

Недовольство и брожение, как и прежде, обыкновенно выливались в формы индивидуального протеста. Солдаты протестовали либо самоубийствами, как напр., в л.-гв. Егерском полку, в котором частые случаи самоубийств привлекли даже внимание государя, либо бегством. Побеги в армии росли с каждым годом. В грузинском корпусе солдаты десятками и сотнями убегали к горцам. В 1817 г. Ермолов писал Закревскому: «Как благодарен я вам за исходатайствование повеления, чтобы за наказание офицеров и солдат не определять в грузинский корпус. До сего времени мы беглецами своими комплектовали неприятельские войска. По возвращении из Персии я надеюсь в одном месте достать их (беглецов) несколько сотен».

Во 2-ой армии в 1819 г. бежало 1.086 солдат, в 1820 — 1.405, в 1821 — 1.612 и т. д. Раевский показывал, что из 34-го егерского полка за один месяц бежало 45 человек, из Екатеринбургского полка тоже за один месяц — 140 человек, в 31-м

егерском в один день сбежало 33 человека. На правобережной полосе Дуная находилось несколько сел, население которых росло буквально каждый день за счет наших дезертиров.

Один из бежавших, рядовой 31 егерского полка, оставил на квартире фельдфебеля письмо в стихотворной форме, с изложением причин, побудивших его к побегу. Препровождая письмо это Закревскому, даже ген. Сабанеев вынужден был признать, что «все то справедливо, на что он жалуется». Приводим целиком этот интересный образчик солдатского творчества, весьма ярко характеризующий условия солдатской жизни.

«Желаю тебе служить на многие лета,
А на вопрос мой не надо другого ответа:
Я в пустыню удаляюсь от прекрасных здешних мест,

Знать судьба наша такая,
Что обижают нас до края.
Всегда мучают и бьют
И спокою не дают.
Хоть и сам того не смыслит,
А по зубам, небось, славно чистит,
Не за дело, а напрасно.
Со стороны смотреть ужасно.
Ты стоишь ведь не ладно,
Думаешь время провести прохладно.
Дай-ка палками принудить,
Верно так добра не будет.
Или зубы вот почищу,
Вы напрасно жрете пищу.
Увидал — чуть пошатнулся,
Вот, говорит, ты уж натянулся.
А он же три дня хлеба не видал
И ученьем всех замучен,
Принужден стоять не благополучен.
Когда сделал под приклад,

То замучить совсем рад.
Когда взял кто под курок,—
Нутко выдь, брат, ты вперед,
Завали-ка ты ему горячих пятьдесят
в спину,
Ан вперед не будет делать ту причину.
Однако, полно мне здесь прохлаждаться,
Надо в ночь укладаться,
Заслужены вещи взять с собою
И ружье для отбою.
Есть в артели рублей двадцать пять,
Ружье справьте опять.
Хоть все-то я испорчу,
Но на том желаньи кончу.
Не от доброго идешь, от напасти,
Но не здесь только пропасти».

Причины побегов обычно оставались «неизвестными» и «невыясненными», хотя, казалось бы, они слишком были очевидны. С течением времени, побеги стали настолько обычным, бытовым явлением, что правительство постепенно должно было помириться с их неизбежностью и только следило за тем, чтобы количественно они не переступали какой-то определенной меры. Так, в одном приказе, 1819 г., выражалась благодарность Павловскому полку за отсутствие в нем в течение девяти месяцев побегов. А Сибирскому уланскому полку ставилось на вид, что в нем число бежавших «превосходит далеко соразмерность»[1]).

Но даже и тогда, когда количество побегов не превосходило эту замечательную «соразмерность», правительство все-таки должно было призадуматься над положением вещей. Оно могло

[1]) Заметим, что и позднее, в царствование Николая I, побеги не уменьшались. В 1830 г. обращено было внимание на частоту побегов из гвардейской пехоты. В 1843 г объявлен выговор, по тому же случаю, ряду полковых командиров, и т. д.

чувствовать себя спокойно и уверенно только за колючей оградой верноподданных штыков, которые, по выражению Сперанского, являлись «утверждением всех других сил государственных, не только в отношении к внешней безопасности, но и в отношении к внутренней силе правительства». Теперь эта щетинистая штыковая завеса начинала уже слишком заметно колебаться. Все перечисленное выше, — и солдатский ропот, и массовое дезертирство, и, наконец, открытые возмущения, о которых речь впереди, — свидетельствовали о том, что авторитет власти в войске пошатнулся, что в отношениях высшего командования и солдатской массы проступила трещина. Правительство реагировало на это брожение усилением дисциплины, муштровки, еще сильнее затягивая узду, рассчитывая выбить клин клином. С другой стороны, углублялся негласный надзор, росла тайная полиция, особенно в начале 1820-х г., после Семеновского восстания. Но все это были дурные средства, которые, в лучшем случае, могли только отсрочить назревший кризис, но никак не уничтожить его, ибо он, тем самым, еще более углубился и усиливался.

Волнение шло все глубже и глубже, охватывая не только регулярные войска, но и военные поселения (о чем речь впереди), и иррегулярные войска, в особенности казачество.

Казаки никак не могли помириться с правительственным зажимом и остро реагировали на всякую новую стеснительную меру. В качестве иллюстрации к этому, остановимся подробнее на волнениях в Уральском казачьем войске, тянувшихся многие годы.

В 1804 г. введено было новое Положение об Уральском казачьем войске, подчинявшее его непосредственно Оренбургскому губернатору, долж-

ность которого занимал кн. Г. С. Волконский (отец декабриста). Положение это, хотя и имело для казаков некоторые положительные стороны, ограничивая произвол войскового атамана и канцелярских чиновников, вводя больший порядок в распределение и расходование общественных доходов, но в целом должно было нанести большой ущерб казакам. Так, в Уральском войске вводилась постоянная полиция, казаков одевали в форменные мундиры, и, наконец, что было самое серьезное, вводилась обязательная очередная служба, и запрещалась «наемка», т.-е. право нанимать из своей среды людей для несения службы. Этот новый порядок вещей подрывал окончательно постоянно волновавшие умы надежды казачества на возвращение самоуправления.

Но означенные меры имели и другое следствие, более существенное для данного момента. Огромная масса казачества занималась рыбными промыслами и торговлей и выделяла из своей среды определенную группу, несшую службу и получавшую за то «денежную подмогу» от казацкого круга. Теперь казаки этой возможности лишались, что, по свидетельству самого Волконского, усмирявшего беспорядки, должно было повести «к совершенному казаков разорению».

И это еще было далеко не все. Корыстолюбивый атаман Бородин урезывал казаков в денежном довольствии, за мзду предоставлял киргиз-кайсакам и другим кочевникам рубить лес, которым владело войско, вытравлять скотом сенокосы, угонять войсковых лошадей. Принадлежавшие войску рыбные ловли, на берегах Каспийского моря и на реке Узен, Бородин продавал астраханским купцам и башкирам, и т. д. Была и еще одна причина, вызывавшая среди казаков острое недовольство, именно произведенное администрацией незакон-

ное отмежевание в пользу кн. Юсупова части приморского берега, принадлежавшего также казацкому кругу.

Все эти причины в совокупности и привели казаков к открытому сопротивлению власти. Введение нового Положения в действие возложено было на ген. Ф. И. Медера. Едва он прибыл в Уральск, как к нему явились депутаты, просившие об отмене штатов и мундира. На все доводы Медера депутаты упорно отвечали, что войско не желает помириться с новыми порядками. Такое неповиновение было еще внове, и испуганный Медер поспешил донести о нем Волконскому, прося прислать, на случай возмущения, регулярные войска. Волконский сам двинулся к Уральску, во главе изрядной воинской силы.

Но еще до прибытия губернатора, в казачестве резко определились два течения, две стороны — «правая» и «левая». Правая ограничивалась депутациями и просьбами об отмене очередной службы и мундиров, тогда как левая, увлекавшая за собой войска, была настроена несравненно более радикально и действовала решительнее. На своих сходках эти казаки доказывали, что прошли времена, когда можно было действовать подкупами и взятками, и что потому теперь осталось одно средство: стать грудью за свои казацкие вольности.

При этом уральцы усвоили чрезвычайно любопытную тактику борьбы: официально заявляя, что они не отказываются от службы, фактически не исполняли никаких приказаний и распоряжений начальства, не выставляли нарядов на службу, не шли на рыболовство, на сенокосы и пр. Во главе движения стоял уже немолодой, лет сорока, уральский казак Ефим Иванович Павлов, повидимому, вполне подходящий к роли вождя мятежников. Об этом можно судить по одному тому уже, что, про-

ведя 30 лет в каторжных работах и вернувшись в 1836 г. 70-летним стариком домой, он в 1837 г. был снова арестован и приговорен к новой ссылке, которая, в уважение к его старости, была заменена заключением в Оренбургском остроге, где Павлов и скончался.

Наконец, Волконский с карательным отрядом подошел к Уральску. Встретивших его казаков он спросил, принимают ли они Положение, и, получив отрицательный ответ, вошел в город с войсками, которые разместил по казацким домам. Казаки и на сей раз остались верны своей тактике пассивного сопротивления. Они всю ночь провели в поле, отказываясь возвращаться в свои дома, прежде нежели последние не будут очищены от ненавистного постоя. Увещания, с которыми на утро явился к ним войсковой атаман, ни к чему не привели, несмотря на то, что казаки рисковали замерзнуть в поле, ибо начинался сильный буран с холодным, резким ветром. Под вечер Волконский выслал роту солдат и команду башкир под начальством майора Кочкина, которому приказал во что бы то ни стало сломить казацкое упорство. Видя, что ничто не действует, Кочкин велел ударить в штыки. Тогда только казаки отступили в город, оставив майору, в качестве трофеев, несколько тел. Волконский отобрал у казаков огнестрельное оружие, произвел многочисленные аресты и отбыл в Оренбург, предварительно открыв особую военно-судную комиссию для допросов и суда над арестованными.

Конфирмация над мятежниками объявлена была только в конце 1806 г. и приведена в исполнение весной следующего года. Сорок четыре казака, подвергнутые предварительно наказанию кнутом, отправлены в каторжные работы. Главнейшим виновникам сверх того вырвали ноздри и нало-

жили клейма на лоб и щеки. Этой участи, конечно, в первую очередь подвергся Павлов.

Клейменные казаки погибали в каторге, аресты постоянно продолжались, депутации отправляемые от «правой половины» в Петербург, предавались суду. Но ничто не могло сломить казацкого упорства. Линейные казаки с форпостов, узнав о судьбе своих 44-х товарищей, пришли в волнение. Они постановили не расходиться, покуда не будут освобождены из-под ареста пятеро последних депутатов. Никакие увещания не действовали, и снова пришлось прибегнуть к майору Кочкину, который повторил свою старую операцию.

Тем временем, год за годом, пассивное сопротивление казаков продолжалось в полной мере, хотя они и сами несли от этого значительный материальный ущерб. Правительство вынуждено было постепенно итти на уступки. Рескриптом от 4 декабря 1806 г. уже отменена была обязательная очередная служба и восстановлена прежняя наемка. Казакам об этом стало известно только весною следующего года. Но этого им еще было мало. Оставались другие стеснительные меры, прежде всего расквартированные по их домам экзекуционные войска. И вот вслед затем летом в Уральске вспыхнул пожар, уничтоживший до двух третей всех домов. Пожар, по всей вероятности, не был случайным. Скорее можно предположить, что это тоже был протест против действий правительства, точнее против квартирования экзекуционных войск, которые теперь, вместе со своими хозяевами, очутились на улице. За этим последствовали новые, вынужденные, хотя и дорогой ценой, уступки. Казакам выдан был безвозмездно лес на постройку новых жилищ, а осенью выведена, наконец, большая часть войска, под тем благовид-

ным предлогом, что постой крайне обременителен для погорельцев.

За всем тем оставалось ненавистое управление. Волнение продолжалось, а с ним вместе продолжались и аресты. В 1808 г. приведены были в исполнение последние конфирмации, сильно обескровившие казацкий круг, ибо все наиболее смелые и бунтарски настроенные казаки оказались вырванными из их среды, а все казачество в целом сильно обнищало и оказалось в крайне тяжелом положении. Отчасти в силу этих причин, отчасти же потому, что главнейшие требования были уже отвоеваны, вырваны у правительства, приутихло волнение в войске, приутихло, но не прекратилось. Казаки продолжали упорно отстаивать свои привилегии. В 1810 г. они снова жаловались на войскового атамана. В 1818 г. среди казаков повторились волнения, и так случалось всякий раз, когда правительство пыталось произвести нововведения в их устройстве.

Казацкие традиции были живы повсюду. Мечты о былой казацкой вольности, от времени до времени, прорывались мелкими вспышками недовольства и возмущения, на которые начальство предпочитало смотреть сквозь пальцы, ибо они повторялись слишком часто, чтобы всякий раз применять репрессивные меры. Но случались события и крупного масштаба, при которых «отеческое внушение» оказывалось необходимым.

Такие события разыгрались, напр., в 1807 г., в Киевской милиции, входившей в состав Молдавской армии. Былые казаки, составлявшие эту милицию, отправляясь на войну, твердо надеялись, что тем самым они купят себе свободу от крепостного гнета и будут вновь возвращены в казацкое состояние. В этом убеждении поддерживали их и сами хозяева, рассчитывая, путем внушения им

этих ни на чем не обоснованных надежд, избегнуть волнений при самом комплектовании милиции.

Милиционеры, действительно, с готовностью отправились на войну. Но когда к концу того же 1807 года стало известным намерение правительства обратить их в «подвижное земское войско», в киевской милиции началось волнение. При этом милиционеры проявили замечательную для тех времен организованность. Уже заранее из своей среды они выбрали начальников, которые отдавали предварительные распоряжения и пароли, вырабатывали план возмущения и пр.

Открытое восстание произошло в конце ноября. Началось оно в одной из рот 3-го батальона. Нижние чины собирались на сходки, где «делали между собой вредные толки», не повинуясь начальству. Когда же последнее попыталось их увещевать, мятежные ратники заявили, что «после служения в милиции не желают быть отданы в рекруты», и «тотчас выступили, имея при себе пики». Это, видимо, должно было послужить условным сигналом, ибо вслед затем, в течение нескольких ближайших дней, возмущение охватило всю бригаду. И несмотря на то, что ратники вооружены были, видимо, одними пиками, для усмирения их потребовалось вмешательство и донских казаков, и артиллерийской команды, и роты шляхетского батальона.

Наконец, должно отметить, что бывали случаи и сепаратных выступлений отдельных солдат, свидетельствовавшие о том, что и солдатская среда времен «отечественной» войны имела уже своих революционеров. Приведем один такой случай, имевший место там же на Украине. Отставной солдат л.-гв. Кирасирского полка Федор Гуцан попал в число отставных, предназначенных для укомплектования губернских рот и статских команд.

В волостном правлении он заявил напрямик, что если уж придется вновь итти в военную службу, то надо итти не против неприятеля, а обратиться на «москаля» и «зачать бить до последка».

Такая откровенность стоила Гуцану плетей и ссылки в Сибирь. Но отсюда можно заключить о тех неясных революционных настроениях, которые уже бродили в армии.

Так, из всех этих тревожных фактов, складывалась нерадостная для правительства картина постепенной утраты авторитета в войсках.

Между тем, именно в эти годы, после наполеоновских войн, царское правительство, опьяненное выдающейся ролью, которую ему довелось играть в судьбах Европы, вынуждено было держать под ружьем огромную армию. В первую четверть XIX столетия организационная сторона армии сильно шагнула вперед. Армейские пехотные полки получили (с 1802 г.) единообразное деление на 3 батальона, из коих каждый подразделялся на 4 роты. Кавалерийские армейские полки (с 1812 г.) состояли из 6 действующх эскадронов, к которым еще присоединялся один резервный. Следующей после полков тактической единицей являлись бригады, и затем дивизии (с 1806 г.). Каждая дивизия состояла из нескольких пехотных и кавалерийских полков и одной артиллерийской бригады. Затем (с 1810 г.) дивизии объединены были в 6 корпусов, состоявших каждый из 2—3 пехотных дивизий и артиллерийских бригад, одной кавалерийской дивизии и 2 рот конной артиллерии. Невошедшие в состав армейских корпусов кавалерийские дивизии объединены были в 4 резервных корпуса.

Наконец, высшими тактическими единицами являлись армии, первая и вторая. Первая армия рас-

положена была от Новгородской губернии до Подольской и от западной границы до Волги. Главная квартира ее находилась в г. Могилеве. Вторая (Южная) армия, главная квартира которой помещалась в г. Тульчине (Подольской губ.), занимала губернии: Киевскую, Подольскую, Херсонскую, Екатеринославскую, Таврическую и Бессарабскую. Что касается гвардии, то и она в период наполеоновских войн получила вполне стройное образование, будучи, как выше сказано, сильно расширена и развернута в отдельный гвардейский корпус. Последний состоял из двух пехотных и двух кавалерийских дивизий и сильной артиллерии. Пехотные дивизии, в свою очередь, подразделялись на 4 бригады (по две в каждой дивизии). В 1-ю пехотную бригаду входили полки Преображенский и Московский, во 2-ю — Семеновский и Гренадерский и Гвардейский экипаж (1-я дивизия), в 3-ю — Измайловский и Павловский и Саперный батальон, и в 4-ю — Егерский и Финляндский (2-я дивизия).

Гвардейская артиллерия строилась из двух бригад, в каждую из которых входило по две батарейных и одной легкой роте, и из конной артиллерии (одна конно-батарейная и две конно-легкие батареи).

В легкую кавалерийскую дивизию входили две бригады, состоявшие из полков Драгунского и Уланского (1-я бригада), Гусарского и Конно-егерского (2-я бригада). Туда же входили Конно-пионерный дивизион, Казачий полк и лейб-Уральская сотня (последняя не считалась гвардейской).

2-я кавалерийская дивизия (Кирасирская), состоявшая также из двух бригад и включавшая полки Кавалергардский и Конный (1-я бригада) и два Кирасирских, из коих один негвардейский (2-я бригада), входила в состав т. наз. 1-го Резерв-

ного кавалерийского корпуса. Туда же относилась и неггвардейская 1-я Уланская дивизия, состоявшая из 4 уланских полков, и, наконец, артиллерийская бригада (из двух конных рот).

Сверх того, к Гвардейскому корпусу принадлежал еще ряд постоянных частей (Гарнизонный батальон, Жандармский полуэскадрон, Фурштадтская и Инвалидная роты и Берейторская школа) и несколько временных учебных частей с переменным составом.

Все эти войска расположены были в Петербурге и окрестностях (в Павловске, Петергофе, Ораниенбауме, Стрельне, Красном Селе и т. д.).

Наконец, должно упомянуть о Варшавской гвардии, которой командовал цесаревич Константин.

Содержание столь громоздкой армии вызывало острое недовольство не только в солдатских массах, но и в самых разнообразных и широких кругах населения, ибо, с одной стороны, еще более отягощало рекрутские наборы, с другой — тяжелым бременем ложилось на и без того расстроенные войнами финансы, поглощая до 45% государственных доходов.

Восстания военных поселян.

В таких-то условиях у правительства, точнее у самого императора Александра, возникла идея создания приснопамятных военных поселений, организация которых имела в виду разрядить сгущенную экономическую и политическую атмосферу.

Идея эта была далеко не новой. В разное время и по разным мотивам русское правительство неоднократно прибегало к этой своеобразной форме построения военного быта. Смысл ее заключался в удобнейшем расположении войск в мирное время по окраинам государства, с таким расчетом, чтобы они могли содержаться на местные средства и заниматься хлебопашеством. Вместе с тем, поселенные войска должны были сохранять и военную организацию и выучку, благодаря постоянным столкновениям с враждебными соседями.

Еще в XVII столетии южная и восточные окраины Московского государства охранялись поселенными войсками, служившими форпостом против набегов кочевых инородцев. Позднее, в XVIII веке, Петр I организовывал поселения на Украине и по Царицынской линии. После Ништадтского мира в 1721 г., вынужденный вновь сформировывать огромные массы войск, Петр снова задумался и уже до конца жизни носился с различными проектами расселения войск. Проекты эти частично были осуществлены, но оказались нежизнеспособными. Однако, вскоре после того идея эта снова возроди-

лась. В царствование Анны Иоанновны, Миних проектировал заселение войсками турецкой, польской и шведской границ, с целью подготовки их к войне, применительно к особенностям каждого из этих народов. Императрица Елизавета устраивала военные поселения на Волге и по Оренбургской линии; Екатерина II — на Кавказе, — все с тою же целью уменьшения расходов на содержание войска и охранения пограничных областей от вторжения кочевых народов. На ряду с этим, и во внутренних областях России создавались военные поселения, долженствовавшие служить прибежищем нижним чинам, уволенным от службы за ранами, болезнями, или старостью.

Но все эти образования оказывались недостаточно жизнеспособными и с течением времени постепенно сливались с казачьими войсками, астраханским, оренбургским, кавказским, либо с местным населением. XIX столетие застало лишь в немногих областях восточных губерний так называемых «пахотных солдат», ничем, впрочем, кроме своего звания, не отличавшихся от казенных крестьян.

В конечном итоге учреждение это было одинаково отяготительно и для крестьянства, и для поселяемых войск, увеличивая повинности тех и других. Однако, в самом начале XIX века, мысль о воссоздании военных поселений родилась вновь. В 1804 г. ген.-майор Русанов представил в военную коллегию подробную докладную записку об организации военных поселений, имевшую основной своей целью обеспечение инвалидов и старослужащих нижних чинов средствами, путем земледельческого труда. Проект этот не был осуществлен, потому, вероятно, что правительство, как мы уже имели случай упоминать, менее всего было озабочено обеспечением своих ветеранов.

Но очень скоро после того правительство вынуждено было задуматься над возможными способами удовлетворения той потребности в огромном, небывалом дотоле количестве войск, которое оказалось необходимым в период наполеоновских войн. В 1806—7 гг. к удовлетворению этой потребности служила неудачная попытка организации милиции. Когда эта последняя проявила свою несостоятельность, пришлось искать иных способов. И вот тогда-то, в умах императора Александра и Аракчеева, возникла вновь мысль о создании военных поселений.

Идея, однажды уже изжитая внутренними противоречиями, снова возродилась в России, будучи подсказана ей западными соседями. Военные поселения существовали еще с XVI века вдоль австрийской границы. В начале XIX века знаменитый прусский военный министр Шарнгорст, прибегнув к ним, создал новую систему комплектования армии. И то и другое сильно увлекало императора Александра. В 1808 г., во время финляндского похода, он вплотную столкнулся со шведскими военными поселениями, организованными в Карелии и вокруг города Куопио, в Финляндии. Правда, войска эти без боя сдались неприятелю, но самый факт их существования свидетельствовал в глазах Александра о возможности организации военных поселений и в северных областях, что прежде того казалось сомнительным.

Уже в 1810 г. произведен был первый опыт. Местом для осуществления этого эксперимента избрана была Могилевская губерния. При обследовании выяснилось, что большая часть земель в ней частно-владельческая. Только в Бобылецком старостве Климовецкого повета (уезда) обнаружен был участок земли, особым договором предоставленный на трехлетний срок в пользование кре-

стьян. Правительство не задумалось, конечно, расторнуть этот договор, предписав переселить крестьян в Новороссийский край.

В правилах для выселения, выработанных Аракчеевым, менее всего учитывались интересы собственно выселяемых крестьян. Коррективы, скупо внесенные императором Александром, мало меняли дело. Замечательно и то, что самый факт переселения держался в секрете от крестьян. Еще в конце 1811 г. ген. Лавров, ведавший поселением, заверял Аракчеева, что «крестьянам по этому делу ничего не известно... Напротив того, крестьяне еще обстраиваются новыми домами и старшины делают заготовки на зиму». Конечно, это было чрезвычайно удобно и выгодно правительству, почему оно и заблагорассудило известить крестьян об их судьбе только в 1812 г., месяца за два до начала переселения. Дело было поставлено так, что результатом переселения явилось полное разорение крестьян.

Всего было выселено около 4 тыс. человек, на переезд которых потрачено до 70 тыс. рублей (ассигнациями), что не уберегло многих из них от смерти. Около 500 человек погибло от холода и голода. Даже Николай Павлович вынужден был констатировать, что «при переводе их в Крым так худо содержали, что половина их пропала, не дойдя до назначения».

В месте поселения помещен был запасный батальон Елецкого мушкетерского полка, сформированный из отборных людей. Солдат разместили по опустевшим крестьянским домам и снабдили рабочим скотом, земледельческими орудиями и семенами. Поселенные мушкетеры должны были, таким образом, совмещать в себе и солдат и земледельцев. Трудно установить, в какой мере оказался удачным или неудачным этот первый опыт,

ибо вслед затем поселяне были присоединены к действующей армии, а когда, по окончании кампании в 1814 г., уцелевшие из них возвратились назад, то нашли хозяйства свои расхищенными, дома разграбленными, поля запущенными, хлебные склады пустыми. Все было разграблено соседями. Да к тому же, отвыкнув вновь за время войны от полевых работ, они проявили себя сразу же крайне дурными хозяевами и земледельцами. Терпя крупные убытки по новому обзаведению и содержанию поселян, правительство вынуждено было признать эту новую форму колонизации несостоятельной.

Но от самой идеи военных поселений Александр отнюдь не думал отказываться. Во время Венского конгресса была произведена попытка ближайшего ознакомления с организацией австрийских военных поселений, пресеченная запрещением австрийского фельдмаршала давать требуемые сведения. В манифесте от 30-го августа 1814 г. Александр возвещал своим подданным: «Мы надеемся, что сохранение мира и спокойствия даст нам возможность не только устроить содержание солдат лучше и с большим достатком, но и сделать их оседлыми и соединить с ними их семьи».

И вот в 1816 г. Александр решительно вернулся к своей излюбленной мысли, осуществление которой поручено было гр. Аракчееву. На сей раз правительство пошло иным путем. Учитывая, что солдаты, по крайней мере на первых порах, — дурные хозяева, оно не выселяло крестьян, а и их обращало в военные поселяне. Дело велось с исключительной энергией, и к августу 1818 г. военные поселения охватили уже четыре губернии: Новгородскую, Могилевскую, Херсонскую и Харьковскую.

Во всевозможных официальных документах и личных беседах, действительные, практические це-

ли создания военных поселений тонули в трескучей шумихе фраз об исчезновении рекрутчины, о благе крестьян и солдат, о том, что первые, попадая в военную службу, не будут вынуждены оставлять свои мирные занятия, а вторые приобретут возможность жить в лоне своих семейств, будут «иметь всегда свежую и здоровую пищу и другие удовольствия жизни», смогут умножать свою собственность «рачительным возделыванием земли и разведением скота» и пр.

Из всех этих громких фраз практическое значение имело, кажется, только уничтожение рекрутчины, заменявшейся натуральной воинской повинностью. При этом форма отбывания военной службы строилась, по существу, на тех же началах, на которых основывалось частновладельческое барщинное хозяйство, чрезвычайно популярное в ту пору среди помещичьего дворянства. Рекрутские наборы тяжело отражались на благосостоянии помещиков, несмотря на все их уловки и увертки. С другой стороны, система рекрутских наборов создавала тяжелую и неловкую зависимость правительства от этого поместного дворянства, являвшегося поставщиком человеческого материала. Таким образом, новая организация, при которой воинская повинность всецело перемещалась на плечи казенных крестьян, имела в виду убить сразу двоих зайцев. Она должна была завоевать вновь симпатии поместного дворянства к правительству и порвать эту вредную и досадную зависимость.

Правительство при этом рассчитывало, введя в армии железную дисциплину, создать из нее надежную опору трону и своей политике, имея в ее лице мощное орудие для направления всей жизни России согласно своей воле.

Но основная цель организации военных поселений заключалась в создании возможности увеличить численность армии при сокращении военных расходов. Финансовое положение России было крайне далеким от блестящего: ассигнационный рубль падал с головокружительной быстротой; назревал кризис, в углублении которого, как выше упоминалось, существенную роль играли расходы на содержание армии.

При таком положении вещей перевод солдата на «самоснабжение» не мог не представляться чрезвычайно заманчивым. Министр внутренних дел Кочубей рассчитывал, что таким путем удастся довести численность армии до небывалой цифры в 700—800 тысяч человек. А подозрительные иностранные дипломатические агенты уже видели русскую армию в будущем доведенной до 6 мил. штыков и внушали своим правительствам, что военные поселения должны «приковать вследствие своей будущности внимание всей не-русской Европы».

Всеми этими соображениями объясняется и тот факт, что даже такие люди, как Сперанский, горячо приветствовали организацию поселений, видя в ней, пожалуй, единственный мыслимый выход из создавшегося тупика. Но, конечно, для того, чтобы помянутыми соображениями оправдать поселения, надо было иметь чрезмерно покладистую совесть. И потому даже в кругах высшего командования новая затея часто вызывала недовольство и недоумение. Однажды Аракчеев спросил ген. А. Ф. Орлова о причинах всеобщей нелюбви к нему. Орлов все свалил на то, что Аракчеев являлся творцом военных поселений. Конечно, не на одном этом основывалась общая ненависть к царскому фавориту, но такой ответ как нельзя более отчет-

ливо характеризовал отношение к военным поселениям.

Государь не мог не знать об этом. Подобные отзывы доходили и до него. Как-то, будучи в Тульчине, во время смотра, он обратился к начальнику штаба II армии ген. Киселеву с вопросом, примирился ли он, наконец, с военными поселениями? На это Киселев отвечал, что он обязан верить в то, будто военные поселения принесут пользу, коль скоро так угодно государю. Но сам он решительно отказывается что-нибудь понять. Едва ли такой ответ мог понравиться Александру, но во всяком случае подобные мнения ему нередко приходилось слышать из среды своих приближенных.

Те же, кто не полагал своей обязанностью расценивать события сообразно взглядам государя, кто смотрел на военные поселения глазами стороннего наблюдателя, не мог не возмущаться теми ужасами, которыми сопровождалось насильственное введение этой системы. Особенно отчетливо взгляды русского общества на военные поселения выразил декабрист Штейнгель в письме к императору Николаю. Он решительно отвергал единственное мыслимое оправдание этому чудовищному учреждению, заключавшееся в уничтожении рекрутской повинности. Штейнгель замечал, что «уменьшение срока службы до 8 или 12 лет удовлетворило бы сей цели справедливее, честнее и безопаснее».

«Насильственная система так называемого водворения поселений, — писал Штейнгель, — принята была с изумлением и ропотом, как то и вашему величеству должно быть весьма известно; и не могло быть иначе. После тяжкой отечественной войны... когда всякий ожидал в мире вожделенного спокойствия, внезапно войтить в селения военною рукою, взять домы мирных земледельцев, все, де-

дами и самими ими нажитое, да и их самих в общий состав нового воинства — едва ли история представляет что-либо тому подобное».

Передовые представители дворянства, будущие декабристы, в организации поселений усматривали военную барщину, которая со временем должна была создать, по их мнению, в государстве особую касту, новую опричину.

Сами военные поселяне едва ли заглядывали в глубь времен. Им приходилось считаться с реальными условиями сегодняшнего дня, а эти последние были таковы, что неизбежно, раньше или позже, должны были вызвать возмущение.

Военные поселяне оказывались стеснены буквально во всех жизненных проявлениях и ни одного шага не могли сделать свободно. Рождение ребенка и брак, сон и еда, работа и отдых, — все было строго и мелочно регламентировано. Быт поселенцев в корне менялся. Дети от них отбирались и отдавались в кантонисты; имуществом своим они не вольны были располагать. Каждое их действие и волеизъявление должно было согласовываться с инструкциями и предписаниями. Все это, конечно, ни в какой мере не искупалось правительственными ссудами, льготами и казенными заботами о материальном благополучии их.

Мы не станем сейчас подробно останавливаться на формах быта военных поселян. Скажем кратко: при жесточайшей регламентации, равно отяготительной, как для солдата, — обязанности которого еще увеличивались, а права урезывались, — так и для крестьянина, из которого с дикой настойчивостью в кратчайший срок стремились создать бравого солдата, — военные поселения обращались в каторгу, еще несравненно более тяжелую, нежели обыкновенная казарма.

Естественно, что прежде всего возмущение должно было проявиться там, где бытовые и экономические условия находились в наиболее резком противоречии с тем, что несли с собой военные поселения. Так случилось и в действительности. Впервые возмущение разыгралось на Украине, в области Бугского войска, еще в 1817 г., когда земли его обращены были в военные поселения. Три полка Бугского казачьего войска, сформированные в 1803 г., объединялись с четырьмя полками Бугской уланской дивизии и поступали на поселение в Херсонской губернии.

Эти перспективы вызвали серьезное волнение в казачестве, тем большее, что ходили слухи о существовании какой-то грамоты Екатерины II, пожалованной ею войску, в силу которой последнее не могло быть подвергнуто никакому переформированию. Во главе движения стал капитан Барвинский. Благодаря его усилиям, возмущение приняло еще более острые формы. Войско волновалось и не желало подчиняться новому порядку. Чтение приказов и царских повелений заглушалось криками о том, что казаки не намерены и не будут исполнять государеву волю. Когда майор Романовский огласил царский указ о преобразовании войска в военные поселения, он услышал в ответ, что казаки ни в коем случае указа не исполнят. Местами происходило и прямое сопротивление новым властям, причем казаки противились производству переписи своих семейств. Одновременно они послали депутацию с жалобою к своему наказному атаману, полковнику кн. Н. Р. Кантакузину, пользовавшемуся их неограниченным доверием.

Но волнение уже приняло настолько угрожающие размеры, что правительство не могло оставаться к нему равнодушным. Кантакузин вызван

был в Петербург. В Комитете по военным поселениям он еще пытался отстаивать интересы казаков и отказался подписать Положение о переформировании войска. Тогда он был вызван к Аракчееву, и между ними произошел следующий любопытный диалог: «Ты не подписал Положения?» спросил Аракчеев. «Ваше сиятельство, позвольте мне объяснить причину...»—«Ты не подписал?»—прервал Аракчеев. — «Моя совесть не позволяет...» — «Ты не подписал Положения?»—повторил граф: «Теперь — послушай меня: видишь ли эти белые листы? Посмотри внизу на подпись: узнаешь ли ее?» — «Это бланки с подписью государя». «Что будет, — сказал Аракчеев, — если я на одном из этих листов напишу, что ты за ослушание начальству лишаешься чинов и отсылаешься в Сибирь?» И затем, помолчав с минуту, продолжал: «А что если напишу, что ты за усердие к службе награждаешься производством в генерал-майоры и аннинскою лентою?»

Аракчеевская аргументация была чрезвычайно убедительной, он действовал, что называется, наверняка, ибо кантакузинская совесть имела весьма ограниченные пределы. Так вербовал Аракчеев сторонников военных поселений, и так аннинская лента решила судьбу многих тысяч людей.

На беду Кантакузина, предательство не всегда одинаково вознаграждается. Аракчеев велел ему лично привести к повиновению мятежных казаков. Но и Кантакузину этого не удалось сделать: казаки продолжали упорствовать в своем неповиновении. Получив об этом донесение от начальника Украинской уланской дивизии гр. Витта, Аракчеев поспешил объяснить причину возмущения простейшим образом, именно—нераспорядительностью Кантакузина. Он рекомендовал Витту действовать «благоразумным внушением страха», «решительно

объявив бугцам, что всякий из них, кто дерзнет противиться точному исполнению повелений его величества, будет наказан и переселен в Сибирь».

Но и эти меры не помогли. В Вознесенске, штаб-квартире дивизии, казаки отказались присягать и вынуждены были к ней применением военной силы. Бугцы присягали в виду направленных на них пушек с зажженными фитилями. В прочих станицах принесение присяги встречено было таким же сопротивлением. В некоторых случаях казаки вступали и в открытый бой. Женщины с детьми на руках бросались под ноги всадникам, атакующим их мужей. Казаков гнали сквозь строй, топили в Буге, расстреливали, кололи. В назидание молодым, забивали до смерти глубоких стариков. Случалось, что избиваемые срывали с себя царские знаки отличия и бросали их в лицо своим высокопоставленным палачам.

А волнение не утихало. Покуда такими мерами приводили к повиновению одну станицу, бунты вспыхивали в других. Наконец, начальник главного штаба предписал главнокомандующему II армией отрядить в распоряжение Витта столько полков, сколько он потребует для покорения бугцев. В подавлении возмущения приняли участие три полка, с четырьмя конными орудиями. Сопротивление казаков было буквально затоплено в крови. Затем только Витт нарядил суд, которому были преданы 94 человека. Суд тянулся около полугода и в результате приговорил к смертной казни 64 человек, в том числе, конечно, капитана Барвинского и двоих его ближайших сподвижников, казаков Бибиченку и Гетманченку.

Но правительство хорошо учитывало неполитичность столь жестоких мер. Необходимо было проявить «милосердие», «гуманность», поскольку вся организация военных поселений официально мо-

тивировалась гуманными чувствами императора. А уж какая тут гуманность, если расстреливают 64 человек за то, что они не поняли благих намерений государя! Поэтому Витт полагал, что можно ограничиться вменением арестованным в наказание долговременного содержания под стражей, «во внимание, что они действовали не по собственному побуждению, но главнейше по внушению»,— Бибиченку и Гетманченку сослать в Сибирь, а Барвинского, лишив чинов, дворянства и знаков отличия, выгнать из Бугских станиц.

Аракчеев пошел еще далее по пути этого дутого милосердия. Он счел возможным Бибиченку и Гетманченку отослать на службу рядовыми в Сибирский корпус, «с тем, чтобы не были никогда уволены ни в отставку, ни в домовый отпуск». Прочие все, исключая Барвинского, дело которого надлежало пересмотреть, были освобождены.

Все это показное милосердие, однако, никого не обманывало, и, поскольку причины, породившие возмущение, оставались в силе, недовольство и брожение продолжали развиваться. Жалобы на нестерпимость требований, на убытки раздавались все громче и громче. Летом следующего, 1818-го, года, когда государь должен был обследовать округа военного поселения Бугской дивизии, местное начальство испугалось, что жалобы дойдут неизбежно до слуха Александра. Что же оставалось делать предусмотрительному начальству? Оно запретило военным поселянам, помимо команды, подавать просьбы государю и даже устраивать ему встречи.

Это предписание, отнимавшее единственный легальный способ самозащиты, переполнило чашу терпения. Едва приглушенное полгода тому назад возмущение вспыхнуло с новой силой. 5-го мая подполковник Терпелевский огласил этот при-

каз в селении Федоровке. По рядам военных поселян прокатился глухой гул недовольства, а один из них, Василий Чеботарев, открыто возразил против запрещения жаловаться государю, ибо просьба, поданная им по команде, осталась без ответа. На такое возражение мудрый подполковник не нашел иного ответа, как оплеуха, и приказал арестовать Чеботарева за недоверие к властям. Тогда голоса зашумели: «Когда бьете одного, то бейте всех! Берите всех под караул!».

Весть о происшедших событиях быстро разнеслась по округу. На следующий день в селении Себине произошла самовольная сходка. Оказавшийся там майор Романовский, неудачный усмиритель прошлогоднего возмущения, объявил собравшимся запрещение встречать государя и учил их ответам на случай, если Александр станет спрашивать о новом быте их, как военных поселян. На это Петр Ангелов закричал: «Я казак, а не другого звания!» Романовский велел арестовать его, но другие силой защищали Ангелова, и когда майор сам схватил его, один из поселян вырвал Ангелова из рук Романовского. Поселяне заявили майору, что, вопреки всем приказам, будут лично жаловаться государю. «О чем?» спросил Романовский. — «Мы знаем, какую принесть жалобу, а вам о том знать не нужно», отвечали поселяне.

Новая расправа и новый суд, согласно которому шесть человек приговорены были к прогнанию сквозь строй через 1000 человек по три раза, двое через 500 человек по одному разу и трое к ссылке в Сибирский корпус. И на сей раз Аракчеев еще нашел возможным смягчить наказание, отменив шпицрутены.

Волнения в военных поселениях не ограничились одной Украиной. Тогда же они прокатились и по Новгородской губернии. Современники отмечали, что уже самый выбор места для поселения был крайне неудачен. Население мало занималось земледелием, вследствие того, что местность была болотистая и покрытая почти сплошным старым лесом, грунт и подпочва—глинистые, что, вместе с сырым климатом, создавало тяжелые препятствия к обработке земли. А близость столицы и судоходного Волхова давала возможность подкармливаться отхожими промыслами.

Но правительство со всем этим не посчиталось, и крестьяне не замедлили ответить протестом. В Холынской и Высоцкой волостях население возмутилось при известии о переводе своем в военные поселяне. Аракчеев явился на место действий во главе кавалерии и артиллерии, которые, конечно, легко расправились с невооруженными мятежниками.

После такого печального опыта, поселяне уже не решались прибегать к открытому сопротивлению, а попытались использовать легальные возможности, обращаясь с просьбами об освобождении их от забот Аракчеева к членам царствующего дома. И хотя они очень скоро должны были убедиться в том, что ничего не добьются таким образом, тем не менее они проявили исключительную настойчивость.

Вслед за описанными событиями, поселяне, собрав деньги, отправили четырех депутатов в Петербург, к императрице Елизавете Алексеевне, жене Александра. Но аракчеевские агенты поймали на Сенной площади ходоков и доставили их к графу, который хорошенько обыскал их, отобрал просьбу и, по выражению современника, «велел их посадить в погреб, что в арсенале, на

заднем дворе, дабы жаркие майские дни не могли действовать на их здоровье и солнечными теплыми лучами не расслабили их нервы». По приказанию Аракчеева, разысканы были и «зачинщики» этого предприятия, доставлены в Петербург и посажены в одну яму с депутатами. Дело это кончилось для поселян лучше, нежели они могли ожидать по такому приему. Они были «помилованы» императором Александром и отпущены домой с отеческим наставлением, что, мол, всегда и во всем надлежит повиноваться начальству.

Но поселяне еще не сдавались. Через несколько месяцев, когда вся царская семья ехала в Москву, они остановили вдовствующую императрицу и просили у нее защиты. Несколько сот поселян, вышедших из леса, остановили и великого князя Николая Павловича, бросились на колени и просили пощады, добавляя, что они готовы пожертвовать всем своим имуществом, с тем, чтоб их только оставили в покое. Но великий князь отделался общими фразами. Он лишен был возможности по своему расправиться с просителями, ибо его сопровождал прусский принц Вильгельм, в котором и без того подобная сцена не могла вызвать особенно выгодного представления о благоденствии русского народа.

Тогда поселяне отправили депутацию в Варшаву, к цесаревичу Константину. Услышав их жалобы, цесаревич, как сам он рассказывал, «не входя в разбирательство таковой их просьбы, заставил их тотчас молчать, сказав, что им должно свято и безмолвно исполнять, что приказывают, и в заключение препроводил их с нарочным фелдъегерем и двумя казаками к графу Алексею Андреевичу Аракчееву, на его рассмотрение».

Теперь уже поселяне должны были окончательно убедиться в тщете своих надежд. Нельзя, впрочем,

сказать, что правительство оставалось вовсе глухо к их просьбам. Напротив того, оно отвечало усилением постоев и увеличением работ. Собственно же «царские милости» выразились в том, что трем бабам подарены были кокошники. Итак, поселянам не оставалось ничего иного, как покориться. В 1818 г. Аракчеев уже торжествовал полную победу. «Благословением божиим все идет так хорошо,— доносил он государю,—что я каждый раз по приезде туда нахожу особенное удовольствие свое быть в сих местах поселения... Я утешаю себя, что по милости божией доношу все, кажется, приятное сердцу вашего величества...»

Уже эти события вызвали возмущение в русском обществе. Декабрист Якушкин вспоминал, что «известия о новогородских происшествиях привели всех в ужас». Но все это было еще только прологом к назревавшему кризису, который и разрешился в 1819 г.

На сей раз возмущение произошло снова на Украине, под самым Харьковом, в Чугуевском и Таганрогском уланских полках. В восстании участвовали и крестьяне-поселенцы, и поселенные уланы. Первые, опять-таки казаки, задавленные нечеловеческой жестокостью нового режима, никак, однако, не могли примириться с утратой своих привилегий и прав, которые хотя в основе своей и строились на обычае, на обычном праве, но в сознании их, естественно, принимали характер узаконенности и неотъемлемости.

Солдаты уже успели вкусить от прелестей поселенной жизни. И если в самом начале щедрые словесные излияния правительства насчет ожидающих их неисчислимых благ и способны были кого-то обмануть (чем только и можно объяснить участие, в отдельных случаях, поселяемых солдат

в усмирении крестьян), то с течением времени всякие иллюзии неизбежно должны были рассеяться, и истина вставала во всей своей крайне неприглядной наготе.

Учение обыкновенно производилось три раза в неделю, с 6-утра до 11-ти и с 2-х до 10-ти. В промежутках солдаты должны были выкорчевывать лес, рубить дрова, осушать болота, — короче, производить весьма тягостные работы, от которых, к тому же, они успели совершенно отвыкнуть. После такого каторжного дня им предписывалось с веселыми песнями возвращаться домой, где они голодали и холодали от отсутствия печей.

Неудивительно, что всевозможные болезни, и в первую очередь цынга и лихорадка, распространялись среди поселенцев. Неудивительно и то, что одного, может быть и незначительного, повода оказалось достаточным, чтобы вспыхнул бунт, который потушить оказалось возможным только в потоках крови.

Повод был чисто случайный. Поселяне Чугуевского округа отказались косить казенное сено для полковых лошадей, которого нужно было 130 тыс. пудов (около 2.200 тонн). Исполнение этого требования грозило повлечь за собой запущение их собственного хозяйства, почему поселяне решительно отказались выходить на покос.

Как выше упоминалось, в волнении приняли участие и поселенные уланы. Нашлись и среди офицеров люди, готовые примкнуть к восстанию. Штабс-ротмистр Тареев, старший дивизионный адъютант, призывал солдат действующих эскадронов «стоять заодно с их отцами и родными».

Дивизионный командир Лисаневич сразу учел всю серьезность положения, усугублявшуюся именно этой готовностью солдат примкнуть к восстанию. Поэтому Лисаневич озаботился стянуть к

Чугуеву войска и окружил его кольцом. Это было тем более своевременно, что из всех окрестностей население тянулось в помощь чугуевцам, и Лисаневичу приходилось оттеснять его обратно, арестовывая наиболее смелых и решительных. Собрав чугуевцев на городской площади, Лисаневич пытался увещевать их, но ни он, ни губернатор не могли ничего поделать. Чугуевцы упорно стояли на своем, заявляя, что «ни они, ни дети их военного поселения не желают».

Из Чугуева волнение перекинулось в округ Таганрогского уланского полка и докатилось до самого Харькова, где в это время ожидалась ежегодная ярмарка, сопровождавшаяся большим стечением народа. Получив в Петербурге известие об этом, Аракчеев поспешил выехать в Харьков, но дурное состояние дорог тормозило его путешествие. Не доезжая Орла, получил он новый рапорт Лисаневича, сообщавшего, что возмущение разрастается. Ни увещевания, ни щедрые обещания милостей не действовали. Мятеж охватил всех, до женщин и детей. Внушения Лисаневича, обращенные к мятежникам, заглушались криками: «Не хотим военного поселения, которое не что иное есть, как служба графу Аракчееву, а не государю, и мы приняли решительные меры истребить графа, то наверное знаем, что с его концом разрушится и военное поселение».

Мятеж стягивался в стальное кольцо войск. В Чугуевском полку арестовано было 1.104 человека, в Таганрогском—899. Из них 313 человек, «как главнейшие преступники», преданы были военному суду, который 275 человек приговорил к «лишению живота». Тюрьмы были переполнены, приговоренные мужественно ожидали смерти, а кругом шумело восстание. Такое положение застал по своем приезде Аракчеев. «По разным собствен-

ным моим о сем днем и ночью рассуждениям, с призыванием на помощь всемогущего бога, — распинался Аракчеев в письме к императору через пять дней после того, как залил весь Чугуев кровью,—я видел, с одной стороны, что нужна решимость и скорое действие, а с другой, слыша их злобу единственно на меня, как христианин, останавливался в собственном действии, полагая, что оное может быть по несовершенству человеческого творения *признаться может* строгим или мщением за покушение на мою жизнь. Вот, государь, самое затруднительное положение человека, помнящего свое несовершенство».

Но благочестивый граф очень скоро, видимо, обрел в своих размышлениях достойный выход из положения, совершенно в духе казенного православия тех времен. Смертную казнь Аракчеев отклонил, заменив ее наказанием шпицрутенами «каждого через тысячу человек по двенадцати раз». Это, конечно, была жесточайшая смертная казнь. Очевидно, Аракчеев рассудил, что пришло время кончить игру в милосердие и дать наглядный урок мятежным поселянам, при том так, чтобы он остался в памяти не у одних наказуемых.

18-го августа, в день, назначенный для страшной экзекуции, к месту ее были доставлены все арестованные в Чугуеве, а также арестанты из Волчанска и Змиева. В первый день предписано было наказать только сорок человек, причем им было объявлено, что изъявившие раскаяние будут освобождены от наказания. И тут-то мятежники проявили подлинный героизм, решительно отвергая предложенное им помилование. Родители, отправляя своих сыновей на лобное место, заклинали их не просить пощады. Священники благословляли их и заранее предавали проклятию тех, кто не устоит и проявит слабость при виде пыток. Но

таких нашлось всего трое. Христолюбивый граф с возмущением писал императору: «Ожесточение преступников было до такой степени, что из 40 человек только трое, раскаявшись в своем преступлении, просили помилования: они на месте же прощены, а прочие 37 наказаны». Из этих 37 героев двадцать заплатили смертью за свое мужество. Об этом можно судить по рапортичке, составленной для Аракчеева, с его собственноручными пометками «умре». Вот начало этого человеческого документа:

Поселенных эскадронов унтер-офицеры	Сколько раз прогнаны шпицрутенами сквозь 500 ч.	
1. Иван Соколов	24	Умре
2. Яков Колесников	18	Умре
3. Алексей Праскурин	24	
Рядовые из хозяев		
4. Федор Ветчинкин	16	
Резервных эскадронов унтер-офицеры		
5. Тимофей Губин	24	Умре
6. Лукьян Дерлин	6	Умре
7. Кирило Беляев	24	
Отставные унтер-офицеры		
8. Михаил Гридин	14	
9. Алексей Ткачев	12	Умре
10. Иван Башкатов	11	Умре

И т. д., и т. д., разбитые по рубрикам «казаки», «уланы», «рядовые»,—люди, которых до смерти засекли шпицрутенами.

Когда эти груды окровавленного человеческого мяса убрали, остальные арестанты были спрошены, каются ли они в своих преступлениях. Но они единогласно отказались просить пощады, и истязание возобновилось вновь.

Кары не ограничились одним этим. Сверх наказанных шпицрутенами, около 400 человек оторвано было от своих семейств и хозяйств и переве-

дено на службу, частью в Оренбург, частью в 3-ю уланскую дивизию. Замешанными в восстании оказались и 29 женщин, которые сосланы были в Оренбург, после «наказания на теле». Против имени каждой из них Аракчеев сам написал «высечь», а против имени некой Анны Дранищевой, 25-ти лет от роду, написал: «Высечь хорошенько и отослать в Харьков, в рабочий дом».

Несколько офицеров, оказавшихся причастными к возмущению, полковник Щербина, прапорщик Пылев и др., были сосланы на жительство под надзор полиции в Оренбург, либо переведены в оренбургский гарнизон. Штабс-ротмистр Тареев приговорен военным судом к смертной казни. Лисаневич пытался вступиться за своего адъютанта. Он нашел достаточным лишить Тареева чина и перевести на службу в Оренбург, обойдя его один раз при очередном производстве. Возмущенный такой снисходительностью, Аракчеев рекомендовал государю: «Генералу-лейтенанту Лисаневичу I-му, за назначение Тарееву наказания, вовсе несоразмерного ни его преступлению, ни справедливой строгости законов, по коим он приговорен к лишению живота, объявить высочайшее замечание». Самого-же Тареева — лишить чинов и знаков отличия и разжаловать в рядовые без выслуги. Но так страшен был императору Александру этот мятежный штабс-ротмистр, что он, утвердив все прочие представления Аракчеева, повелел «посадить Тареева в одну из крепостей Оренбургской губернии и содержать там впредь до повеления».

Научило ли все это чему-нибудь Аракчеева и ему подобных? Едва ли, хотя Аракчеев и счел необходимым сделать чугуевцам ряд уступок. Император Александр на донесение своего любимца отвечал: «Благодарю тебя искренно от чистого сердца за все твои труды».

Вскоре после того, будущий декабрист Н. И. Тургенев возмущался «русской публикой», «этой истинной чернью», которая «о Чугуевцах поговорила между супом и говядиной — да тем и дело кончилось». Однако все, что было мыслящего, передового, пришло в глубокое негодование от зверской чугуевской бойни. Многих, колебавшихся до того, эти события толкнули в тайные общества.

Но и самые волнения утихли не сразу. Еще 17 сентября Лисаневич доносил Аракчееву: «В Таганрогском округе, слава богу началось, хотя и медленно, приходить в повиновение». Еще через две недели уже сам Аракчеев заверял государя, что «беспорядки в 3 уланской дивизии, что ныне вторая, в Таганрогском полку, приходят в должный порядок».

Внешне чугуевская бойня возымела полный успех. Обследуя после нее поселения, Александр и Аракчеев могли только радоваться благочинию и покорности, господствовавшим среди поселян. Но спокойствие это было чисто наружным. Пламя, однажды вспыхнувшее, не было и не могло быть погашено. Оно тлело, охранительными мерами загнанное глубоко внутрь и готовое вспыхнуть каждую минуту. Это должен был сознавать всякий, кто сколько-нибудь здраво расценивал положение вещей. Недаром среди декабристов господствовала уверенность в возможности возмутить военных поселян.

Еще в начале 1820-х гг. В. Ф. Раевский (о революционной деятельности которого см. ниже), принадлежавший к кишиневской ячейке заговорщиков, всецело полагался на поддержку военных поселений, рассчитывая силы восстания. По данным следствия, он даже обсуждал этот вопрос с нижними чинами, неоднократно говоря им: «Пойдемте, ребята, за Днестр в Вознесенск, а там тот-

час взбунтуются, и пойдет как огонь, а то видите, как вас трактуют. Один шаг за Днестр, — и все, как порох, вспыхнет и восстанет».

Некоторые декабристы имели случай ближе познакомиться с бытом и настроениями военных поселян. Так, член Южного общества, свитский офицер В. Н. Лихарев, состоял при гр. Витте адъютантом. Попав в военные поселения на юге, он, по собственным словам, «был окружен отбросами общества и в первый раз почувствовал ужас существования». В 1823 г., объезжая военные поселения, Лихарев наблюдал «решительное неудовольствие в угнетенных поселянах и большую готовность к возмущению». Вождю Южного общества Пестелю он писал, что поселяне «легко могут покуситься на какие-нибудь крайности».

Такие же впечатления должен был вынести и член Северного общества Г. С. Батеньков, служивший в Совете военных поселений и показывавший на следствии: «Военные поселения представили мне страшную картину несправедливостей, притеснений, наружного обмана, всех видов деспотизма». Когда на одном из собраний заговорщиков кто-то заметил, что Кронштадт должен быть для мятежников тем островом Леоном, с которого в 1820 г. испанский революционер Квирога с двумя батальонами начал восстание, Батеньков возразил, что их остров Леон должен быть на Волхове или на Ильмене, т. е. в центре Новгородских поселений.

Так, по авторитетным свидетельствам очевидцев-декабристов, под внешним покровом тишины и покорности, и в южных, и в северных военных поселениях, во всю первую половину 1820 гг. зрело глухое недовольство, готовое разразиться новым возмущением. Это не замедлило и под-

твердиться уже в новое царствование, в 1831 г., когда снова грозные мятежи потрясли военные поселения.

Недаром, еще много прежде того, известный английский полководец, герцог Веллингтон, узнав об организации военных поселений, кратко, но выразительно заметил: «Видно, что русское правительство не боится штыков».

Семеновское восстание.

В апреле 1820 г. в л.-гв. Павловском полку произошло весьма необыкновенное для тех времен происшествие. Один из офицеров, следуя широко распространенной традиции, отнимал все деньги, заработанные нижними чинами. Среди солдат рос глухой ропот, но до поры до времени они терпели молча. Наконец, они потребовали у офицера деньги, желая разговеться. На такую «дерзость» офицер, тоже по обыкновению, намеревался ответить палками, однако солдаты не допустили до этого и принесли на него жалобу. Шеф полка, Остерман-Толстой, получил выговор за недосмотр, виновный офицер переведен был в армию, и, таким образом, солдаты, без ущерба для себя, отстояли свои права.

В этом случае, кажется, все необыкновенно. И то, что солдатам прошел безнаказанно их протест,—что очень удивило Н. И. Тургенева, писавшего брату: «Обыкновенно солдат и в сих случаях бьют», — и то, что они, наконец, решились поднять голос против своего начальника.

Происшествие это, казалось бы, лишний раз свидетельствовало о том, что солдат с некоторых пор стал другим, что он перестал быть только «серой скотиной», что необходимо принять какие-то срочные меры, во избежание того, чтобы трещина, образовавшаяся в отношениях солдатской массы и командного состава, не приняла угро-

жающих размеров. Это понимали, видимо, все, исключая чинов высшего военного командования. И тот же 1820-й год дал блестящее подтверждение слепоте этого высшего командования. Мы имеем в виду известное восстание л.-гв. Семеновского полка, происшедшее в октябре 1820 г., и последовавшее после него волнение всей гвардии.

Отметим заранее, что, сколько ни старались следственные органы приписать инициативу возмущения Семеновского полка его офицерскому составу, им это не удалось. Совершенно очевидно, стало быть, что оно было чисто солдатским и возглавлялось солдатами-же.

Однако, если офицеры оказались непричастными к самому восстанию, то все-таки косвенную, и притом весьма значительную, роль в событиях они сыграли. Непосредственным поводом к возмущению послужило тиранство полкового командира Шварца. Но и в других полках случались озверелые командиры, и тем не менее солдаты терпеливо выносили их тиранию. Из этого одного уже следует, что Семеновское восстание нельзя, как это долго практиковалось, толковать в смысле обыкновенного профессионально-солдатского движения. Оно несомненно явилось результатом офицерского влияния. Тот факт, что инициатива протеста принадлежала именно Семеновскому полку, должно приписать духу, который в нем господствовал и который семеновцам создавал до некоторой степени исключительное положение среди прочих гвардейских солдат. Недаром наблюдательный современник, Ф. Ф. Вигель, замечал, что «семеновец в обращении с знакомыми из простонародья был несколько надменен и всегда учтив. С такими людьми телесные наказания скоро сделались ненужными: изъявление неудовольствия, сердитое слово были достаточными исправительными

мерами. Все было облагорожено так, что, право, со стороны было любо-дорого смотреть».

Всему этому имелись особые причины. Командиром полка до 1820 г. был ген. Я. И. Потемкин, которого семеновец-декабрист М. И. Муравьев-Апостол характеризовал, как «любимого солдатами и уважаемого офицерами, человека доброй души». Это все были качества, довольно редкие для полкового командира тех времен. Тем более редким был и состав семеновских офицеров, которые, по словам того же Вигеля, «составляли из себя какой-то рыцарский орден».

В Семеновском полку, в годы предшествовавшие восстанию, служили многие из будущих выдающихся декабристов: М. И. и С. И. Муравьевы-Апостолы, кн. С. П. Трубецкой, И. Д. Якушкин, кн. Ф. П. Шаховской, С. Г. Краснокутский, П. С. Пущин, А. И. Тютчев, позднее (с 1820 г.) М. П. Бестужев-Рюмин. Большинство из них уже и тогда были членами (и даже основателями) тайного общества, и естественно, что в полку своем старались осуществлять то, что проповедывалось на тайных собраниях. Телесные наказания были совершенно уничтожены, с солдатами у офицеров отношения установились, как с младшими братьями, при чем, конечно, дисциплина от этого не только не страдала, но много выигрывала.

Это был любимый полк государя, но Александр в ту пору, по выражению Пушкина, стал «коллежским ассесором по части иностранных дел», перекраивал карту Европы и мало думал о России. В гвардии первенствующую роль играли командир гвардейского корпуса ген. Васильчиков, человек ограниченный и честолюбивый, и младшие братья государя, великие князья Николай и

Михаил Павловичи, бывшие бригадными командирами. Последний командовал 1-й пехотной бригадой, в которую входил Семеновский полк.

«Михаил Павлович, только что снявший с себя детскую курточку, был назначен начальником 1-й пешей гвардейской бригады, — вспоминал М. И. Муравьев-Апостол.—Доброе сердце великого князя, о котором так много ныне пишут (в 1870-х гг. С. Г.), было возмущено, узнав, что мы своих солдат не бьем. Он всячески старался уловить Семеновский полк в какой-нибудь неисправности... Все это ни к чему не послужило. Везде и всегда он находил полный порядок и строгое исполнение службы. Это еще больше бесило и восстановляло против ненавистного ему полка. Разумеется, великий князь не мог благоволить и к нашему генералу, с которым не имел ничего общего. Поэтому к нам начали придираться, отыскивая во что бы то ни стало, правдой или неправдой, если не беспорядка, то по крайней мере, каких-нибудь ошибок».

И действительно, разного рода «придирки» следовали одна за другой. В 1816 г., на высочайшем параде, Семеновский полк найден был не вполне исправным, за что государь велел сделать выговор Потемкину и арестовать на сутки батальонных командиров. В 1818 г. арестован был на месяц один подпоручик за то, что, рапортуясь больным, показался на улице в партикулярном платье. В 1819 г., после высочайшего смотра, государь отмечал, что «Семеновский полк прошел со взводными дистанциями не чисто, у многих взводов левые фланги были назади, надлежащей тишины в шеренгах не было, много колен было согнутых, ногу поднимали не ровно, носки были не вытянуты, некоторые дистанции между взво-

дами были велики, замечательно дурно равнялись в 1-м батальоне оба взвода 3-й роты» и т. д., и т. п.

Такое положение вещей долго не могло продолжаться, ибо силы были слишком неравные, да и сам Александр, все более отдаваясь во власть реакционных идей, решил взяться за искоренение либерального духа в гвардии.

Закревский утверждал, будто Потемкин до того распустил полк, что «вредный дух офицеров распространился и между нижними чинами», что «полк сей беспрестанно становился по службе хуже и редко случались ученья... которыми бы государь столько же доволен был, сколько прочими гвардейскими полками»...

Сообразно с новыми веяниями, в марте 1820 г. произошли перемены в составе гвардейских полковых командиров, совершенно в духе царских братьев. Тогда-то в Семеновский полк и был назначен Шварц, тупой и жестокий фрунтовик. Прежде того Шварц командовал Калужским гренадерским полком, где надолго остался памятен своими зверствами. Так, будучи недоволен маршировкой, он заставлял солдат, снявши обувь, голыми ногами проходить церемониальным маршем по скошенной и засохшей пашне. В своем роде Шварц был весьма характерной фигурой, по которой можно судить и вообще о новом типе командиров гвардейских полков. Поэтому следует сказать о нем несколько подробнее.

Декабристы вспоминали, что это был человек совершенно необразованный, жестокий, отчаянный формалист, весь кругозор которого заключался в выправке, пригонке амуниции, ремешках и пр. Рассказывали, что в месте расположения Калужского полка имелась специальная братская могила, в которой погребались засеченные им на-

смерть солдаты и рекруты и которая так и называлась «Шварцовой могилой».

Авторитетный свидетель, личный секретарь императрицы, Н. М. Лонгинов, тогда же сообщал, будто бы государь не раз выражал уверенность в том, что назначение Шварца в Семеновский полк ничего хорошего принести не может. Но Михаил Павлович возражал, что только с подобным командиром можно добиться успеха, ибо он, «по своему ничтожеству, будет вполне зависеть от его императорского высочества».

Такими-то соображениями руководствовалось высшее военное командование при выборе новых командиров в гвардейские полки. Ничтожество этих ставленников великого князя, на первых же порах, едва не стоило жизни русскому самодержавию [1]).

Попав в Семеновский полк, в атмосферу совершенно для него новую и чуждую, Шварц стал ревностно вводить свои порядки. Предоставим слово тому же нелицеприятному свидетелю, М. И. Муравьеву-Апостолу: «Шварц принялся за наш полк по своему соображению. Узнав, что в нем уничтожены телесные наказания, сначала он к ним не прибегал, как было впоследствии; но недовольный учением, обращал одну шеренгу лицом к другой и заставлял солдат плевать в лицо друг другу; утроил учение; сверх того, из всех 12 рот поочередно ежедневно требовал к себе по 10 человек и учил их, для своего развлечения, у себя в зале, разнообразя истязания: их заставляли неподвижно стоять по целым часам, ноги связы-

[1]) Интересно отметить, что через 30 лет, в 1850 г., Шварц, тогда генерал-майор, по приговору военного суда, исключен навсегда из службы, с воспрещением въезда в столицы, за жестокие наказания и истязания солдат.

вали в лубки, кололи вилками и пр. Кроме физических страданий и изнурения, он разорял их, не отпуская работать на работы. Между тем, беспрестанная чистка стоила солдату денег, это отзывалось на пище, и все в совокупности породило болезни и смертность». Вскоре к этому еще присоединились и жестокие телесные наказания. За полгода наказано было около 50 человек, получивших в среднем свыше 300 ударов каждый.

Попытки солдат жаловаться пресекались наказаниями-же. На одном из бывших за это время инспекторских смотров они побоялись принести жалобу из страха побоев. На следующем инспекторском смотру сам Васильчиков зажал солдатам рот.

Ко времени шварцовских неистовств, офицерский состав Семеновского полка уже сильно изменился. Из будущих декабристов оставались только Сергей Муравьев-Апостол, семнадцатилетний Бестужев-Рюмин (только-что перед тем переведенный из кавалергардов), да Тютчев, человек среднего калибра. Но и состоявшие в полку офицеры не могли помириться со Шварцем. Они намеревались решительно объясниться с ним, однако, об этом заранее стало известно Бенкендорфу, тогда начальнику гвардейского штаба. Вызвав к себе батальонных командиров, Бенкендорф внушил им, что такой поступок только навлечет на них гнев государя, и туманно обещал им, «что если Семеновский полк для избежания всех неприятностей решится еще несколько потерпеть, то в малое время увидит счастливую перемену».

Итак, офицеры набрались терпения. Терпели и солдаты, но «счастливые перемены» не приходили. 16-го октября долго скрываемое возмущение прорвалось наружу. Дата эта тоже не совсем случайна. За несколько дней перед тем выяснилось,

что Александр еще не скоро возвратится из-за границы. Тогда-то у семеновцев созрело решение принести жалобу, и роты сговорились поддержать друг друга. 16-го, идя с учения, рота его величества решила подать жалобу, использовав для сего вечернюю перекличку. Фельдфебель Брагин, о том извещенный, перекличку отменил, но в 10-м часу вечера, в верхнем этаже, где помещались стрелки и гренадеры, раздались голоса: «Вставай!» Солдаты начали спешно спускаться в нижний этаж, где уже строились остальные их товарищи. Все это происходило в полной тишине и в порядке. Дежурный ефрейтор доложил об этом Брагину, который через него велел роте расходиться, но узнав, что приказание его не исполняется, поспешил в роту с повелением разойтись. Солдаты не повиновались, все так же, однако, соблюдая полное спокойствие, и заявили, что имеют принести жалобу ротному командиру. Сколько ни уговаривал их Брагин отложить намерение их до утра, ничего не действовало, и солдаты оставались непреклонными в своем требовании. Фельдфебелю не оставалось ничего иного, как послать за ротным командиром, капитаном Н. И. Кашкаровым. Когда Кашкаров явился в роту, солдаты стали просить его об отмене десятичного смотра и жаловаться на бесчеловечность Шварца. Ротный командир хорошо понимал, чем грозит солдатам их «своеволие» и уговаривал роту отложить дело до утра. Но и солдаты знали, на что идут, и, однажды решившись на это, не намерены были отступать. Тогда Кашкаров обещал жалобу солдат доложить начальству. И после того, по его настоянию, рота разошлась по отделениям.

Снизу вверх, от младших начальников к старшим, понеслась тревожная весть о волнении в роте его величества. От ротного к батальонному

командиру, от батальонного—к полковому и т. д. Рано утром на следующий день, 17-го октября, в роту примчался батальонный командир, полковник И. Ф. Вадковский. И ему рота повторила то же, что и накануне. Тогда как офицеры всячески старались урезонить и успокоить солдат, высшее начальство, повинное в происшествии, потеряло голову. Шварц не решался явиться в полк и ограничился тем, что в тот же день доложил о событиях Бенкендорфу. Последний немедленно сообщил о происшествии Васильчикову. Васильчиков вовсе растерялся и почел благоразумнейшим сказаться больным. В полк для расследования прибыли Бенкендорф и Михаил Павлович. Опасаясь собирать всю роту вместе, они распорядились выстроить стрелковый и гренадерский взводы в разных коридорах. Но среди солдат поднялся ропот, и пришлось построить их в одном месте. Они повторили Бенкендорфу и великому князю то же, что говорили и прежде, т. е., что не могут больше терпеть тиранства Шварца. Тем временем Вадковский доложил, что и в прочих трех ротах 1-го батальона неспокойно. Положение осложнялось. Бенкендорф потребовал, чтобы к 6-ти часам солдаты выдали зачинщиков, но сделал это, конечно, более для формы, ибо никак не мог рассчитывать на исполнение своего требования.

На последовавшем вслед за тем совещании у «больного» Васильчикова, Михаил Павлович полагал достаточным отечески наказать каждого десятого розгами и затем раскассировать мятежников по другим ротам. Но Бенкендорф, в котором уже сказывался будущий шеф жандармов и начальник III отделения, рекомендовал заключить всю роту в крепость. Однако, пока еще мудрые полководцы ни на что не решались. В 3 часа Вадковский вызван был к великому князю. Он доложил, что в

полку все спокойно и уговаривал не давать делу хода, а ограничиться домашними взысканиями. Михаил Павлович, сам хорошенько не знавший, как выйти из создавшегося положения, как-будто согласился с ним, под тем условием, чтобы мятежная рота принесла раскаяние. Вадковский снова поспешил в роту, но солдаты решительно отказались «каяться». Батальонный командир, всячески старавшийся спасти полк, ни с чем вернулся к Михаилу Павловичу, у которого застал Бенкендорфа, объявившего ему, что корпусный командир желает видеть людей, но, будучи нездоров, не может приехать в полк и требует их в штаб для допросов.

Это была грубая уловка. Давая Вадковскому обещание затушить дело, Михаил Павлович проявил обычное для царской семьи двоедушие. Впрочем, и настроение солдат было таково, что и при желании никак не удалось бы дело замазать. В это время, в головах начальников, судьба мятежной роты уже была решена. В 8 час. вечера, согласно приказанию, Вадковский привел разоруженную роту к штабу, где ожидали ее Васильчиков, ген. Бистром и Бенкендорф. Роту ввели в манеж, в котором выстроены были в полной амуниции две роты Павловского полка. Васильчиков по-генеральски «распушил» солдат за неповиновение и велел вести солдат в крепость.

В остальных ротах еще не знали о судьбе головной. Об этом стало известно только ночью, когда из отпуска вернулся рядовой 2-й роты Павлов и сообщил своему приятелю Чистякову об аресте роты его величества. Чистяков выбежал в коридор и закричал: «Выходи на перекличку!» Казарма заволновалась. Солдаты спешили на неожиданный зов, а Павлов кричал: «Нет государевой роты! Она погибает!» Волнение перекинулось и в 1-ю фузе-

лерную роту, которая также собралась в коридоре. Кто-то скомандовал «направо», и фузелеры бросились в помещение 2-й роты, соединились с нею и уже все вместе устремились в 3-ю роту, выломали ворота и подняли всех на ноги.

И на сей раз это был скорее не бунт, а мирная манифестация. Но вместе с тем атмосфера была в такой мере накалена, что уговоры ротных командиров и Вадковского ни к чему не привели. Солдаты единодушно отвечали, что они виноваты столько же, сколько и 1-я рота, и хотят разделить ее участь. Даже командир 3-й роты, Сергей Муравьев-Апостол, горячо и беззаветно любимый солдатами, ничего не мог сделать. Солдаты других рот кричали: «Не расходись, третья рота! Да что за третья рота,—здесь нет третьей роты, здесь весь батальон! Государева рота погибает, а третья рота пойдет спать и отстанет от своих братьев?»

Тем временем Вадковский мчался за инструкциями к полковому командиру. Но что мог сказать, что мог посоветовать Шварц там, где палки и шпицрутены уже не действовали. Спасая собственную жизнь, он скрылся из дому. Рассказывали потом, будто Шварц прятался за навозом, сваленным на полковом дворе.

Вадковский возвратился в полк, где волнение все более нарастало. Уже ночью, в четвертом часу, из города возвратился караул, наряжавшийся из 3-й фузелерной роты. В темноте семеновцы не узнали своих, решили, что пришли их арестовывать, и всей массой устремились на полковой двор с криками: «Ежели хотят хватать, пусть всех вместе схватят! Один конец». Это уже был почти бунт. Вадковский, при всем своем стремлении обойтись «домашними средствами», понимал, что долее не может принимать на себя ответствен-

ность. События принимали такой оборот, что уже нельзя было предугадать, во что они выльются.

В тщетных поисках помощи, Вадковский заметался по начальникам. Шварц бесследно исчез. Бенкендорф отправил его к корпусному командиру. Васильчиков, совершенно потерявший голову, спросил его совета, — что делать? Вадковский все еще рекомендовал выпустить 1-ю роту, ибо это одно, по его убеждению, могло внести успокоение. Но Васильчиков и Бенкендорф не пошли на это и велели Вадковскому объявить полку, что в 8 час. утра будет инспекторский смотр.

Теперь уже Васильчиков рассудил за благо выздороветь. Он отправился к военному губернатору, гр. Милорадовичу, известному боевому генералу, любимому солдатами, и просил его переговорить с семеновцами. Милорадович поспешил в казармы. На полковом дворе, в темноте, толпились возбужденные группы солдат. При приближении генерала, они снимали фуражки, но отказывались строиться, ибо за отсутствием 1-й, «головной», роты им не к кому пристраиваться. Милорадович так и уехал ни с чем. То же самое повторилось и с Бенкендорфом, и с Бистромом, которого Васильчиков назначил командиром полка, отрешив от должности скрывшегося Шварца.

Тогда Васильчиков понял, что должно предпринять нечто самому. Изобретательностью он не отличался и рассудил все роты, по примеру первой, заключить в крепость. Но явившись около шести часов в полк, он хорошенько обезопасил себя, на всякий случай приказав Бистрому, тем временем, как он будет говорить с солдатами, занять казармы егерями. Орлов же получил приказ стоять с конногвардейцами вблизи от площади. Все эти предосторожности оказались напрасными. Васильчиков заявил солдатам, что приказал предать су-

ду их арестованных товарищей, а так как остальные роты проявили непослушание, то велел всем им отправляться в крепость.—«Где голова, там и хвост»,—раздалось среди солдат, и они беспрекословно, даже не зайдя в казармы, двинулись в крепость.

В то время на Фонтанке, около Летнего сада, жил друг Пушкина, А. И. Тургенев. Он рассказывал: «В понедельник поутру весь Семеновский полк, исключая двух или трех сот солдат, оставшихся в казармах, посажен в крепость. Они шли спокойно и без оружия, в одних шинелях, мимо нашего дома. Я спросил у них:

— Куда вы?
— В крепость.
— Зачем?
— Под арест.
— За что?
— За Шварца.»

Такова внешняя история этого необычайного, беспримерного в летописях истории восстания, скорее даже, как мы сказали, не восстания, не мятежа, а мирной демонстрации. Событие это, конечно, сильно взволновало общественное мнение, которое всецело было на стороне мятежников. Предвидя это, с.-петербургский почт-директор К. Я. Булгаков тогда же писал своему брату, московскому почт-директору: «Тут кроме величайшего неудовольствия на полкового командира Шварца совершенно никакой другой причины не было... Офицеры не участвовали ни в чем, а равно и другие гвард. полки. Это сущая правда. У вас будут много врать, вероятно, для того и тебя предваряю, чтобы ты знал истину».

Но подобные профилактические меры не могли изменить дела. Все тогдашнее образованное об-

щество громогласно выражало свое сочувствие семеновцам. Н. И. Тургенев рассказывал, что в государственном совете с негодованием и ужасом отзывались о Шварце. В английском клубе в эти дни только и говорили о семеновцах, сожалея о них и удивляясь их благородству. «Члены клуба,— добавлял Тургенев,—часто столь пустые, в сем смысле изъявляют свое мнение». Тогда же А. И. Тургенев писал кн. П. А. Вяземскому: «Семеновцы все еще в крепости и крепки мужеством и своею правдою и страданием... Всеобщее участие в их пользу. Один голос за них: от либералов до ультра-глупцов».

В этом не было нисколько преувеличения. Сочувствие к мятежникам беспрестанно прорывалось наружу, в бесконечных разговорах, в сотнях вскрывавшихся писем, выписки из которых заботливо делались помянутыми Булгаковыми и доставлялись по начальству. «В сем неповиновении, — читаем в одном таком письме,—когда узнаешь дело, в сущности найдешь геройство, смирение, твердость, единодушие, воздержание и даже подчиненность... Я иного не вижу в этих инсургентах (мятежниках), как 3.000 невинных жертв... Начальники у нас умеют повелевать только теми творениями, в коих не действуют пружины душевные... Мы требуем слепого рабства... Я удивляюсь, что восставшие против тирании на первом шаге остановились...»

Напомним, что все это писалось открыто, в стране, где перлюстрация писем производилась совершенно беззастенчиво. Из этого можно заключить о силе сочувствия к мятежникам и негодования против правительства. Уже знакомый нам Н. М. Лонгинов писал в то же время, что «карбонары появляются только тогда, когда народ доведен до отчаяния, и у нас уже есть элементы для по-

явления их, начиная с самих защитников отечества. У нас только военные пользуются уважением, но в то же время это самые несчастные люди. Отчаянный поступок Семеновского полка доказал это лучше, чем что бы то ни было».

Не могли, конечно, пройти равнодушно мимо этого события и члены тайного общества. Ф. Н. Глинка видел в нем начало революции. Николай Тургенев, встретив во время восстания И. И. Пущина, служившего тогда в гвардейской артиллерии, сказал ему: «Что же вы не в рядах восстания Семеновского полка? Вам бы там надлежало быть». Но в ту пору большинство заговорщиков полагало восстание еще преждевременным. Мы знаем уже, что даже офицеры Семеновского полка, бывшие членами тайного общества, старались всячески затушить восстание. Впоследствии многие декабристы пришли к убеждению, что в данном случае допустили огромную тактическую ошибку. Тютчев, переведенный в Пензенский пех. полк, позднее, в 1825 г., говорил бывшим семеновцам: «Мы было начали в Птербурге дело, но не кончили, то здесь надобно окончить».

Все это должно было весьма сильно поразить государя. Любимый полк Александра, возведший его двадцать лет назад на престол, оказался настолько распропагандированным, настолько политически зрелым, что в нем началось движение. Это представляло собой весьма грозный симптом. Тревожило государя и то, что известие это дойдет до Европы. Бунт в личной гвардии императора, блюстителя равновесия в Европе, охранителя самодержавия, должен был весьма невыгодно подействовать на европейское общественное мнение. Когда Чаадаев привез государю известие о Семеновском восстании, первая мысль Александра была о том, что иностранные посольства, в большинстве по-

мещаются на набережных, и, таким образом, посланники могли видеть отправление семеновцев в Финляндию. Чаадаев успокоил его, сообщив, что «ни один из них не живет на Невской набережной».

Но если члены дипломатического корпуса в Петербурге не видели развязки восстания, то о самых событиях, конечно, не могли не знать и доносили своим правительствам о том, что «негодование против Шварца всеобщее; раздаются общие жалобы против гибельной мании всей императорской фамилии, особенно великого князя Михаила, мучить солдат». По предложению Кочубея, в министерстве иностранных дел составлено было специальное полуофициальное сообщение о семеновских событиях, для более распространенных газет Западной Европы. Явное никак не могло сделаться тайным. Поэтому необходимо было принять решительные меры, дабы доказать Европе, да и отечественным «либералистам», твердость, с которой государь борется со всякими проявлениями вольнодумства.

Такой мерой и явилось раскассирование Семеновского полка, провозглашенное приказом по российской армии от 2-го ноября 1820 г. Приказ этот должен был разом положить конец всевозможным толкам и надеждам на помилование семеновцев. По этому приказу и в самом деле выходило, что мятежники проявили дикое и ничем необоснованное своеволие.

«Российская армия, — гласил приказ, — сверх незабвенной славы на поле чести, с первейших времен ее образования, всегда была примером верности, соблюдения священной клятвы и неприкосновенного повиновения своему начальству.

«Полки, составляющие сию отличную армию, с должным негодованием извещаются о случившемся происшествии в л.-гв. Семеновском полку. Они

восчувствуют, что составляющие сей полк сделались недостойными далее в оном оставаться...»

Те, кто лучше был знаком с историей России, читая этот приказ, должны были вспомнить, что отнюдь не всегда российская армия бывала безоговорочно предана престолу, нередко даже решая судьбы его обладателей. За примером не надо было далеко ходить. В отрывочных строфах из неоконченной X главы «Евгения Онегина», Пушкин запечатлел участие этого самого Семеновского полка в убийстве императора Павла:

Потешный полк Петра-титана,
Дружина старых усачей,
Предавших некогда тирана
Свирепой шайке палачей...

Известно, что Александр дожидался, когда придет очередь Семеновского полка вступить в караул в Михайловском замке, и тогда только дал разрешение произвести переворот. Но так или иначе, отписка перед общественным мнением Европы и России была налицо.

Весь первый батальон, а также полковник Шварц и некоторые офицеры, подозревавшиеся в сочувствии мятежникам, преданы были суду. Прочие два батальона распределены по армейским полкам. Несколько слов должно еще сказать о судьбе мятежных семеновцев. 19-го октября они вывезены в Кронштадт, защищенные от жестокого ветра и дождя только рваными и ветхими шинелями, наполовину даже без обуви. Поздним вечером прибыли в Кронштадт. Промокшие и целый день не евшие солдаты не были пущены в город, а отправлены прямо на военный корабль «Память Евстахия», стоявший тут же на рейде. Это была старая, разбитая посудина, без бортов, без окон, без рам. Опальные семеновцы отправлены были 25-го октября в Свеаборгскую крепость, вопреки

закону Петра I, воспрещавшему в столь позднее время отправление в море военных кораблей. И. Ф. Вадковский, сопровождавший семеновцев в их тяжелом пути, вспоминал, что суда, на которых они плыли, «по ветхости своей, нисколько не казались способными к дальнему пути. Морозы, ветры, снега и дожди беспокоили нас во всю переправу, что тем тягостнее было, что люди почти никакой одежды не имели». Ко всему тому, солдат еще морили голодом, что побудило сопровождавших их офицеров помогать им из своих средств.

Условия жизни в финляндских крепостях, по выражению одного из заключенных фельдфебелей, были, «как совершенно в аде». Оттуда семеновцы были разосланы по армейским полкам. Так мстило царское правительство старым, заслуженным солдатам за то, что они не могли превратиться в бессловесные автоматы.

Между прочим, в числе множества разного рода приключений и происшествий, связанных с высылкой семеновцев, одно должно было дать почувствовать правительству, что разделаться с ними не так легко и просто. Во Пскове, возмущенные грубой придирчивостью местного начальства, солдаты едва не подняли новый бунт. Уже тогда правительство имело случай задуматься над целесообразностью рассылки этих бунтовщиков по армейским полкам, куда они неизбежно должны были занести «мятежную заразу».

Последующие события совершенно подтвердили эти опасения.

Солдатские волнения в 1820—1821 гг.

У правительства были, конечно, свои весьма трезвые расчеты при оценке событий, разыгравшихся в Семеновском полку. Всевозможные толки либералов, по этому поводу, сами по себе, не носили угрожающего характера. Либералы в России существовали и прежде того, были и в войске передовые люди, о которых власть имущие презрительно отзывались, как о «крикунах». Все они нисколько не казались страшны до той поры, покуда они не чувствовали за собой опоры, в виде штыковой щетины.

Но коль скоро за всем этим стояло вырвавшееся наружу солдатское недовольство, солдатское возмущение, события сразу же облекались в угрожающие формы. Однако же, как мы не раз говорили, семеновское восстание менее всего походило на военный бунт, а скорее напоминало мирную манифестацию. И если, вопреки этому, на редкость ограниченные и близорукие люди, не видевшие далее своего носа, облеченные в генеральские мундиры и перевязанные голубыми и красными лентами, все-таки всполошились, значит к тому были особые причины.

Император Александр о семеновских событиях узнал в Троппау, на очередном конгрессе. Он старался убедить сам себя, что восстание спровоцировано все теми же штатскими либералами. Доказать себе это было очень важно, ибо иначе

приходилось признать, что в армии, главной опоре престола и самодержавия, неблагополучно. Бескровный семеновский бунт именно и констатировал с ужасающей очевидностью, что в войсках появилось революционное брожение, и из-за спин мирно протестующих солдат вставал грозный призрак военной революции. В отношениях между правительством и армией проступила явная трещина. И правительство жадно прильнуло к этой трещине глазами, расширенными от страха, заглянуло во внутрь и ужаснулось.

Именно этим и объясняется, что, долгое время после Семеновского восстания, Петербург еще напоминал военный лагерь и в высших кругах царила жестокая тревога. В канцелярию военного губернатора ночью, каждые полчаса, являлись квартальные, частные приставы всякий час привозили донесения, во все концы города рассылались курьеры и жандармы. Кажется, все органы надзора были поставлены на ноги, — и с.-петербургская полиция, управляемая Милорадовичем, и «общая! тайная полиция, возглавляемая Кочубеем, и, наконец, созданная вслед затем специальная «общая» тайная полиция. Солдаты сами жаловались, что они на каждом шагу—в казарме, на улице, в трактире—окружены шпиками.

Быть может, в таком громоздком аппарате и не было особой нужды. О солдатских настроениях мог судить всякий, имеющий глаза и уши. Приглушенный ропот, каждую минуту могущий вылиться в открытое возмущение, смелые речи, грозные слухи, — зловеще ползли и растекались по столице. Они захватывали не только Петербург, не только гвардейский корпус, но и провинциальные армейские полки. Едва отшумело Семеновское восстание, как в Лайбах, где находился государь, дошел слух, что взбунтовался Елецкий полк и убил своего

шефа в Митаве. Елецкий полк никогда не квартировал в Митаве, что, само по себе, свидетельствовало о вздорности этого известия. Но одновременно разнесся в Петербурге еще другой слух, будто солдаты Севского полка взбунтовались и подняли на штыки своего командира, полковника Колена.

По убеждению правительства, это опять-таки был только вздорный слух. Но даже и тогда, когда выяснилось, что Колен жив и здоров, военная власть продолжала розыски об источниках этого слуха. Происхождение его, кстати сказать, оказалось довольно курьезным. Шел он из Риги, где немецкие жители попросту перепутали названия Семеновского и Севского полков. Так ошибка в произношении вызвала у власти жестокое беспокойство. Оно, впрочем, было далеко не столь необоснованно. Закревский справедливо замечал, что «сей и подобные слухи распускаются для того, чтобы сделать пагубное внушение здешнему гарнизону».

В октябре 1820 г. положение в столице складывалось следующим образом. Любимый полк императора Александра заключен был в крепостях: Петропавловской, Свеаборгской и Кексгольмской. В остальных частях гвардейского корпуса, «опоры трона», царских телохранителей, господствовало почти нескрываемое сочувствие к мятежным семеновцам. Сочувствие это проявилось уже в самый момент восстания, когда власти опасались еще, что придется для усмирения семеновцев прибегнуть к военным действиям, что и побуждало выставить против них верные полки. И вот тут и выяснилось, что повести солдат против мятежников крайне трудно. Это сказалось даже в Егерском полку, считавшемся самым «надежным» из всех пехотных гвардейских полков. Егеря «колебались

и выражали полное нежелание итти против товарищей», а прибыв, наконец, на место, поспешили сообщить мятежникам, что не станут по ним стрелять.

Бенкендорф тогда же, в письме к Волконскому, выражал уверенность, что «если бы настоящая катастрофа потребовала бы вмешательства вооруженной силы, то сия последняя отказалась бы повиноваться». Положение, пожалуй, было еще много хуже, нежели можно судить по одному тому, что солдаты не хотели итти против своих товарищей. Это бы еще можно было приписать простому чувству товарищеской солидарности. Но у командной верхушки, далеко не без основания, складывалось убеждение, что и вообще-то «надежных» полков нет, что все они в разной мере заражены семеновским духом. Закревский с возмущением сообщал государю, что почти все полковые командиры в эти дни не были уверены в своих солдатах и опасались, каждый у себя, повторения семеновской истории. А флигель-адъютант Д. П. Бутурлин пришел к выводам еще более грозным. Трепеща перед возможностью военного восстания, он полагал, что, найдись только офицер, способный возглавить солдат и побудить их взяться за оружие, как «все пошло бы к чорту».

К таким сугубо неутешительным для тех, кому предстояло «пойти к чорту», выводам имелись достаточно серьезные основания. Влияние семеновского восстания на войска было огромно. Оно сказалось прежде всего в заметном ослаблении дисциплины. Бар. Розен вспоминал, что солдаты, при встречах с офицерами, перестали даже снимать фуражки. В большинстве полков солдаты стали предъявлять требования, чаще всего экономического характера, либо жаловались на строгое обхождение с ними. В этом пришлось признаться

и Кочубею, всячески стремившемуся скрасить положение вещей. Он вынужден был писать царю, что «в отдельных батальонах или ротах раздаются жалобы на суровые наказания или большую требовательность по службе».

Сыщики, соглядатаи, осведомители, шпионы всех мастей, тучами шнырявшие среди солдат, подслушивали весьма тревожные разговоры. Гвардейские артиллеристы прямо одобряли действия семеновцев. Неизвестные солдаты говорили шедшей с ними проститутке, что «ежели государь по приезде в С.-Петербург не простит семеновских, тогда все гвардейские полки положат ружья и будут просить, чтобы их сослали туда, где Семеновский полк». Далеко не всегда намерения солдат сводились к подобному пассивному протесту. В бане, где сошлись кирасиры с преображенцами, последние говорили, что и они, и павловцы, и егеря — «колеблются», но что только надо выждать время. Тогда кирасиры пожали им руки, свидетельствуя, что и они «не отстанут».

В солдатских умах, в связи с семеновскими событиями, бродили даже и какие-то смутные конституционные мечтания. Так, преображенец Сергеев, одобряя действия Семеновского полка, доказывал, что «государь истребить его не может без Сената».

Являлись среди солдат и пропагандисты, агитаторы. Егерь Гущеваров говорил, что «семеновцам за поступок их ничего не будет, да и быть не может, чтобы за одного им несносного человека, варвара Шварца, променяли целый полк: за них вступится великий князь цесаревич и дело их решит, а коли не вступится, то вся гвардия взбунтуется и сделает революцию. Ведь здесь не Гишпания: там бунтуют мужики и простолюдины, их

можно унять, а здесь взбунтуется вся гвардия — не Гишпании чета, все подымет».

Петербургские власти спешили изолировать подобных агитаторов. По приказу Милорадовича, Гущеваров немедленно был заключен в Шлиссельбургскую крепость. Солдатские аресты сразу стали весьма распространенным явлением. Им придавалось настолько серьезное значение, что они подчас поступали даже на разрешение самого государя. Так, Александр из Лайбаха предписывал через Волконского дежурному генералу Закревскому: «Рядовых Московского пехотного полка Бланкова и Алекринского... отослать в Шлиссельбургскую крепость для содержания под арестом, но однако без притеснения, и чтобы отнюдь не имели сообщения, как между собою, так и с содержащимися в сей крепости другими арестантами, о чем лично для сведения на словах скажите графу Кочубею, дабы он знал, где они находятся в случае надобности».

Скоро уже и среди самих солдат пошли разговоры о том, что часто товарищи их внезапно исчезают неведомо куда и больше не возвращаются. Мудрено было возвращаться! Правительство арестованных солдат либо гноило в крепостях, либо угоняло в дальние гарнизоны.

Но, конечно, такими мерами нельзя было добиться успокоения. Волнение росло. Так или иначе, оно всегда связывалось с семеновцами, с сочувствием к их делу и с опасениями за их судьбу. Гренадеры, державшие караул в крепости, говорили, что сегодня, мол, очередь Шварца, а завтра очередь их командира, Стюрлера. Преображенцы «громко роптали» на репрессивные меры в отношении семеновцев, их «братьев по оружию». И, по-видимому, этот ропот преображенцев казался правительству наиболее угрожающим, ибо Преобра-

женский полк считался в гвардии старшим и по нем должны были равняться прочие гвардейские полки.

В эти дни гвардейцы, действительно, твердо усвоили эту идею равнения по преображенцам, настроение которых было крайне тревожным. Среди солдат шла даже молва о том, что «в преображенских казармах все уже солдаты выходят из повиновения и бунтуют против начальства». Солдаты разных полков согласно говорили, что «с прибытием государя Семеновский полк будет возвращен и причина поступка их будет беспристрастно обследована; в противном же случае будут смотреть на действие Преображенского полка и все единодушно к оному приклонятся».

Крепло, грозное для правительства, солдатское единство, солидарность между отдельными полками гвардейского корпуса, равнение по преображенцам, оказавшимся более чем ненадежными.

Гвардейские солдаты сложили тогда песню, которая ярко рисует это единодушие, товарищескую солидарность, особенно остро прочувствованную ими в октябрьские дни 1820 г.:

Ну, ребята, чур, дружнее
За товарищей стоять.
С злым начальством жить тошнее,
От него чем погибать.
Полно, полно уж, доколе
Нам на сих тварей смотреть.
Лучше быть солдатам в поле,
Чем их глупости терпеть.
Нам к терпенью ль приучаться,
Стужу, голод преносить?
Но с друзьями расставаться...
Ах, что ж делать, как же быть?

Между тем, в последних числах все того же октября 1820 г., произошло новое событие, которое,

на фоне этих тревожных солдатских настроений, в глазах правительства приобретало особенно зловещий, угрожающий характер, тем более, что связано оно было опять-таки с Преображенским полком.

26-го октября Закревский, с плохо скрываемой тревогой, сообщал Волконскому: «Сегодня слышал поутру, что подкинута какая-то пасквиль ужаснейшая на улице, но не мог еще оной найти, дабы прочитать; завтра еду к Горголи (полицеймейстеру) спросить о справедливости сих слухов».

Слухи оказались справедливыми. На дворе преображенских казарм найдена была пространная прокламация. Другой экземпляр ее вскоре обнаружился у одного преображенского унтер-офицера, из чего можно заключить, что прокламации этой ходило по рукам несколько списков. Ее необходимо привести целиком.

«Божиим благоволением приношу жалобу от Семеновского полка Преображенскому полку за притеснения оных начальниками.

Господа воины Преображенского полка! Вы почитаетесь первый полк российский, потому вся российская армия должна повиноваться вам.

Смотрите на горестное наше положение! Ужасная обида начальников довела весь полк до такой степени, что все принуждены оставить орудие и отдаться на жертву злобе сих тиранов, в надежде, что всякий из воинов, увидя невинность, защитит нас от всесильных и гордых дворян. Они давно уже изнуряют Россию чрез общее наше слепое к ним повиновение.

Ни великого князя, ни всех вельмож не могли упросить, чтоб выдали в руки тирана—своего начальника, для отомщения за его жестокие обиды; из такового поступка наших дворян, мы, все российские войска, можем познать явно, сколь много

дворяне сожалеют о воинах и сберегают тех, которые им служат; за одного подлого тирана заступились начальники и весь полк променяли на него. Вот полная награда за наше к ним послушание! Истина: тиран тирана защищает! У многих солдат от побоев переломаны кости, а многие и померли от сего! Но за таковое мучение ни один дворянин не вступился. Скажите, что должно ожидать от царя, разве того, чтобы он нас заставил друг с друга кожу сдирать! Поймите всеобщую нашу глупость и сами себя спросите: кому вверяете себя и целое отечество, и достоин ли сей человек, чтоб вручить ему силы свои, да и какая это послуга могла доказать, что он достоин звания царя? И если рассмотрите дела своего царя, то совершенно не вытерпите, чтобы публично не наказать его!

Александр восстановлен на престол тиранами, теми, которые удавили отца его Павла. Войско, или вы, в то время были в таких же варварских руках, в каких и ныне находится. Граждан гоняли к присяге в признании государя Александра, но присяга сия невольная, а потому бог от народа оную не принимает, ибо всякий гражданин и солдат для избежания смерти обязан принять присягу! Следственно, государь не кто иной, значит, как сильный разбойник. Он не спрашивает народа, что желают ли его признать государем или не желают; а военную силу побуждает называть себя государем, — поныне берет в жертву наши головы и угнетает отечество; точно так и разбойник поступает со встретившимся путешественником. Он его грабит, и великая милость, если ограбленного оставит живого!

Неужели и вы, господа воины, должны просить государя, как разбойника, о помиловании себя тогда, когда он без вашей силы не в состоянии обидеть вас? Страшитесь, чтоб он не приказал вам

самих себя пересечь кнутом. Не напрасно дворяне почитают воинов скотами, ибо воины себя не спасают от несчастья, а сами себе соделывают оное! Удивительное заблуждение наше! У государя много войска, но это вы сами и есть, а потому вы составляете силу государя, без вашего же к нему послушания он должен быть пастухом. Потому войско должно себя почитать в лице царя, ибо оно ограждает своими силами отечество, а не царь. Царь же значит приставник или сторож всеобщего имущества и спокойствия; но вы, воины, почитаете его не только полным владетелем имущества, но и жизни нашей хозяином. Жалуйтесь, что солдатская жизнь несносная; но жалуйтесь себе и на себя, ибо от самих вас бедствие происходит. Беспечность и слабость к царю навлекла на вас великое несчастие; если и еще продолжите не радеть о своем благе, то сделаетесь виною своей погибели.

Бесчестно российскому войску содержать своими силами государя-тирана. Вы, гвардейские воины, противу напольных полков имеете двойное продовольствие, но хотя бы имели весьма хорошую жизнь, то и тогда должны несчастным подать руку помощи. Нет христианской веры там, где друг другу помощи не творят. Честно истребить тирана и вместо его определить человека великодушного, который бы всю силу бедности народов мог ощущать своим сердцем и доставлять средства к общему благу. Бедные воины! Посмотрите глазами на отечество, увидите, что люди всякого сословия подавлены дворянами. В судебных местах ни малого нет правосудия для бедняка. Законы выданы для грабежа судейского, а не для соблюдения правосудия. Чудная слепота народов!

Хлебопашцы угнетены податьми: многие дворяне своих крестьян гоняют на барщину шесть дней в неделю. Скажите, можно ли таких крестьян

выключить из числа каторжных? Дети сих несчастных отцов остаются без науки, но оная всякому безотменно нужна; семейство терпит великие недостатки; а вы, будучи в такой великой силе, смотрите хладнокровно на подлого правителя и не спросите его, для какой выгоды дает волю дворянам торговать подобными нам людьми, разорять их и вас содержать в таком худом положении.

Для счастья целого отечества возвратите Семеновский полк, он разослан — вам неизвестно куда. Они бедные безвинно избиты, изнурены. Подумайте, если бы вы были на их месте и, вышедши из терпения, брося оружие, у кого бы стали искать помощи, как не у войска. Спасите от разбойников своего брата и отечество.

Не было примера, чтоб виновник сам себя винил. Дворяне указы печатают о делах с похвальбою к себе и с затемнением их варварских поступков. По ихнему называется возмутителем тот, который ищет спасения отечеству: ибо от сих показанных мною неоспоримых истин они все должны трепетать, чтобы их власть не учинилась безвластно.

Кровь моя должна быть пролита рукою тиранов, но я почитаю, что на поле против врагов умереть не столь важно, сколь важно в отечестве за правду, которая сокрыта от народа, и за оное дни свои кончить ужаснейшими мучениями!..

Ищу помощи бедным, ищу искоренить пронырство тиранов и полагаюсь на ваше воинское правосудие и на вашу великую силу. Вы защищаете отечество от неприятеля, а когда неприятели нашлись во внутренности отечества, скрывающиеся в лице царя и дворян, то безотменно сих явных врагов вы должны взять под крепкую стражу и

тем доказать любовь свою друг к другу. Вместо сих злодеев определить законоуправителя, который и должен отдавать отчет во всех делах избранным от войска депутатам, а не самовластителем быть.

Взамен государя должны заступить место законы, которые отечеством за полезное будут признаны. По таковым народ должен управляться чрез посредство начальников. Выбор начальников следует основать на беспристрастных законах. Примерно сказать: служа рядовым солдатом десять лет и не быв в сражении, не должен быть начальником роты; здесь солдат беспорочно служит двадцать лет и покрыт ранами, не попадет в чиновники. Малолетний дворянин не может понимать о солдатских трудах, но командует стариком таким, который весь военный регул выучил еще до рождения сего надутого скота. Стыдно и посрамительно солдатам держаться такой глупости и смотреть на нестоющего стоющим!..

Не знать той важной причины, от которой жизнь людей безвременно отнимается, значит не иметь разума; вам бог дал разум, и вы по своему разуму должны сберегать жизнь свою и отечество, и не разумом тиранов управлять собою, но следует истреблять врага и в руки им не отдаваться, а злодеев в руках у себя должны держать крепко».

Отметим наиболее существенные черты этой прокламации. Формы нового государственного строя выражены в ней довольно туманно. Место «тирана» должен заступить законоуправитель, ограниченный в своих действиях через выборных депутатов от войска. Начальство в войске также выборное, из нижних чинов. Об участии в управлении прочего, невоенного, населения в прокламации прямо не говорится, равно как и не развиты вообще подробно иные черты государствен-

ного строя. Но если в сознании автора не выкристаллизовались достаточно отчетливо формы этого нового строя, то относительно того, что подлежит уничтожению, у него сомнений не было. Вся вина ложится на государя и на дворянство. Это они «изнуряют» Россию, они тиранят войско, они обращают жизнь крепостного в бессрочную каторгу и торгуют себе подобными. Поэтому они должны быть уничтожены.

Важно и еще одно обстоятельство. Кто бы ни был автором этой прокламации, он знал хорошо солдатские настроения данного момента. Равнение и надежды на Преображенский полк, глубоко прочувствованная мысль о солдатском единстве и росшее сознание силы армии, на которой зиждется весь государственный строй и самое господство тиранов, — таковы черты, одинаково присущие и солдатскому движению 1820 г., и этой первой солдатской прокламации. Отсюда уже очевидно, что она не была случайным явлением, что она, так или иначе, выросла и корнями своими уходила в солдатские массы.

Вскоре после того появилось еще и другое воззвание:

«Воины! Дворяне из Петербурга рассылают войска, дабы тем укротить справедливый гнев воинов и избегнуть общего мщения за их великие злодеяния. Но я советую, призвав бога в помощь, учинить следующее:

1) Единодушно арестовать всех начальников, дабы тем прекратить вредную их власть.

2) Между собою выбрать по регулу надлежащий комплект начальников из своего брата солдата и поклясться умереть за спасение оных, если то нужно будет, а не выдавать своих.

3) Вновь избранные начальники должны разослать приказы прочим полкам, чтоб поступили так

же, а командированные, посланные полки возвратить в Петербург. Когда старые начальники по всем полкам будут сменены и новые учреждены, то Россия останется по сему случаю без пролития крови. Если сего не учините и станете медлить в сем случае, то вам и всему отечеству не миновать ужасной революции! Спешите последовать сему плану, а я к вам явлюсь по зачатии действий.

Во славу бога отдаю себя вашему покровительству.

Любитель отечества и сострадатель несчастных. Единоземец».

Толки об этих прокламациях быстро распространились по гвардейским полкам. Так, писарь Измайловского полка Карасев показывал: «Как-то давно, а когда не припомню, говорили солдаты нашей роты Петров, Гаврилов и Буторин, по слухам, что в Преображенском полку была бумага, написанная к ним на полулисте от содержащихся в крепости семеновцев, и ее там читали... а содержание ее, как рассказывал Петров и прочие, клонилось к тому, что семеновцы просили преображенцев вступиться за них и их выручить».

Кто были авторы обоих прокламаций? Вопрос этот глубоко волновал правительство. Сперва оно было склонно искать автора, — или авторов — в рядах дворянской интеллигенции. Подобные догадки были для правительства столько же успокоительны, сколько утешительна была и первоначальная вера в то, что Семеновское восстание инспирировано «либералистами». Но подозрения эти ничем не оправдывались.

Не было данных и к тому, чтобы приписать авторство прокламаций семеновским офицерам. В конце ноября органы надзора получили сведения о том, что прокламации составлены были солдатами. Указанных в доносе лиц тотчас схватили, но дли-

тельное следствие, несмотря на подкуп, обман и провокацию, не привело ни к каким окончательным выводам. Вопрос о происхождении воззваний остался открытым и до наших дней.

Современные исследователи строят по этому поводу различные догадки. Самое поверхностное знакомство с прокламациями, преобладание в них чисто воинских интересов, как будто, уже свидетельствует о том, что авторов должно искать в военной среде. Такое предположение и высказал первый исследователь Семеновского восстания В. И. Семевский. Еще прежде того, официозный историк Н. К. Шильдер полагал, что прокламацию эту сочинил один из будущих декабристов. В. И. Семевский привел соображения за и против этого предположения, отмечая, что если искать автора среди декабристов, то скорей всего им мог быть семеновский офицер С. И. Муравьев-Апостол, будущий автор агитационного «Православного катехизиса» и вождь восстания Черниговского полка. Эту же мысль в более категорической форме повторил С. Я. Штрайх. Но одновременно В. И. Семевский высказал глухое предположение, что автором воззвания мог быть военный, принадлежавший к «простому классу» и распропагандированный будущими декабристами. И в самое последнее время, это предположение широко развил С. Н. Чернов.

Если против авторства декабристов вообще говорит уже одно то, что они, как хорошо известно, вовсе не были причастны к Семеновскому восстанию и солдатскому движению 1820 г., — в чем впоследствии глубоко раскаивались, — то догадка об авторстве Сергея Муравьева, как будто, должна быть решительно отвергнута. Некоторое сходство прокламации с муравьевским «Катехизисом», на которое ссылаются исследователи, носит чисто

внешний характер и выражается в совпадении некоторых общеупотребительных выражений о тирании царей, вынужденности присяги и пр. Напротив того, в основе своей оба эти произведения глубоко различны. С. Муравьев долгое время был горячим противником цареубийства, и даже перед самыми декабрьскими событиями, когда, вняв доводам Пестеля, он переменил свои взгляды, в «Катехизисе» он говорил только о свержении тиранов, а не об их истреблении.

Но еще важнее ярко выраженный анти-дворянский характер обеих прокламаций и тот факт, что, — вопреки Катехизису, — центр внимания в них со всего народа обращается и основывается на чисто солдатских интересах. Все это с достаточной определенностью свидетельствует о том, что авторов прокламаций должно искать именно в солдатской среде. А с тем, что в их среде были люди образованные, читавшие газеты и журналы, следившие за политикой, мы уже знаем. О них упоминал Каразин в беседе с Кочубеем. Это были бывшие семинаристы и квалифицированные дворовые, которых барская прихоть обратила в солдат.

Солдатское движение в это время не ограничивалось, однако, только разговорами и планами на будущее. Наряду со всем этим случались уже, — правда не очень значительные, — открытые проявления солдатского недовольства и возмущения. Иногда это были опять-таки лишь тревожные слухи, иногда и реальные факты. Но правительству приходилось одинаково считаться и с теми, и с другими.

Говорили, что однажды взбунтовались кавалергарды и тут же ночью хотели уже было садиться на коней, причем их едва удалось удержать. В

Москве караул самовольно оставил пост. В Новгороде конные егеря требовали смещения своего полкового командира. 2-й батальон Гренадерского полка вышел из повиновения своему батальонному командиру, причем солдаты были убеждены, что он после этого должен подать в отставку. Преображенцы отказались как-то в воскресенье вступить в караул, — и так и не пошли. На вопрос осведомителя: — почему отказались? — рассказчик объяснил: «Потому — захотели по-своему сделать». Пришлось вместо них нарядить в караул измайловцев.

Но и у этих последних было неблагополучно. 8-я рота принесла жалобу на своего командира за строгость обращения с солдатами. Когда же жалоба эта не достигла цели, один солдат заявил ген. Розену: «Воля ваша, нам с этим капитаном трудно итти в поход». Декабрист А. С. Гангеблов вспоминал, что, после семеновского восстания, настроение Измайловского полка, в котором он служил, было «мятежническим».

В Финляндском полку 2-я рота собиралась продать излишки муки, но ротный командир, связывавший с ней свои расчеты, воспротивился этому. Однако, солдаты не послушались его, и мука была продана. А когда корыстолюбивый начальник велел за это ослушание наказать одного унтер-офицера, рота не допустила до наказания, заволновалась и начала одеваться. Потребовалось вмешательство любимого солдатами батальонного командира М. Ф. Митькова, будущего декабриста, с трудом восстановившего порядок.

В каждом из гвардейских полков прорывалось наружу недовольство, и то обстоятельство, что правительство, до поры до времени, еще справлялось с этими вспышками протеста, нисколько не упрощало дела.

Среди солдат появилось желание войны, которая, по их убеждению, должна была и единственно могла все переменить. Тогда они собирались показать государю, «как надо быть справедливу противу нас и офицеров: мы прежде защищали его и отечество, а теперича по его уже не будет, усердие пропало, и мы не станем прилетать по тогдашнему; в таком случае всем будет капут».

Как реагировало правительство на это солдатское движение, с которым приходилось считаться, как с фактом неопровержимым? Оно прежде всего поспешило отделаться от мятежных семеновцев. Суд приговорил около шестисот солдат к наказанию шпицрутенами и плетьми. Царь приказал восемь человек прогнать по шести раз сквозь строй через батальон, — что было равносильно жесточайшей смертной казни, — и сослать в каторжные работы. Остальные, после долгих месяцев крепостного заключения, разосланы были в армейские полки, главным образом в Кавказский и Сибирский корпуса. В армию переведены были и офицеры. Ни тем, ни другим не давали отпусков и отставок. Отставка не давалась даже солдатам, выслужившим срок службы.

Но этого еще было мало. Оставались прочие полки, пребывание которых в столице казалось опасным. И тут на помощь правительству пришла революция в Пьемонте, давшая желанный предлог вывести значительную часть гвардейских полков из столицы. 14 мая 1821 г. войска выступили в поход, который офицеры объясняли всецело страхом правительства перед сосредоточением гвардейского корпуса в Петербурге. И хотя Пьемонтская революция подавлена была прежде,

нежели русские войска успели перейти границу, гвардия провела зиму в Литве, и лишь в следующем году правительство сочло возможным вернуть ее в Петербург. К этому времени волнение в гвардии успело уже отшуметь, и настроение ее было значительно более мирным.

Повидимому, критическое положение, острота момента подсказали правительству верные средства к успокоению солдатского волнения. Уже в начале ноября 1820 г., т.-е. в самый разгар брожения, в письмах императора Александра улавливаются совершенно новые нотки там, где речь идет об армии. 10 ноября он пишет Васильчикову: «Удвойте надзор или, лучше сказать, заботы относительно солдат, наблюдайте старательно во всех полках, чтобы с ними не обращались дурно, чтобы их не подвергали телесным наказаниям: это из всех средств самое дурное, и вы знаете, что я всегда был против битья палками». Знал ли Васильчиков об этом «всегдашнем» сопротивлении государя палочным неистовствам? Действительно, мы видели, что, от времени до времени, Александр предписывал не злоупотреблять наказаниями, и, видимо, сразу же забывал об этом. Но на сей раз «гуманные чувства», с необычайной силой пробудившиеся в императоре, имели весьма материалистическую подкладку. Государь хорошо сознавал совершенную необходимость, во имя спасения существующего порядка, успокоить солдат при помощи этой, довольно неожиданной на первый взгляд, заботливости, которую он осуществлял с редкой для него настойчивостью. В январе 1821 г. Васильчикову сообщено было о желании государя, чтобы все генералы, в том числе и сам корпусный командир, неожиданно посещали казармы и наблюдали за жизнью солдат, беседовали с ними вне

службы, вникая в их нужды, выслушивая их жалобы и просьбы и, в меру возможного, исполняли эти последние. В дальнейшем, Александр с поразительным вниманием вникал в сущность различных недоразумений в полках, нередко отменяя назначенные наказания.

Васильчиков был все-таки настолько умен, что сразу учел причины царской заботливости и, по достоинству оценив эту дешевую дипломатическую уловку, усердно пошел по стопам своего венценосного шефа. С одной стороны, решительно пресекая всякие «вредные толки», путем изъятия из солдатской среды всех вольнодумцев, Васильчиков, с другой стороны, всячески шел навстречу солдатам, как в их экономических требованиях, так и в смысле упорядочения их быта. Если в начале года удовлетворение справедливой жалобы павловцев вызывало всеобщее удивление, то теперь такие случаи стали явлением вполне бытовым.

Подобные правительственные мероприятия постепенно дали ожидаемые плоды. Обескровленная многочисленными арестами, солдатская масса дала себя несколько успокоить. Правда, это успокоение было чисто внешним. Смысл его блестяще выразился в откровенном признании одного конногвардейца, замечавшего, что «ныне легко чрез семеновских стало служить; а если поприжимать будут, то и мы поговорим; нам теперича хорошо, и надо молчать».

Так, под легкой пеленой успокоения, в солдатской среде зрело и росло глухое недовольство, от времени до времени продолжавшее прорываться наружу, то в форме какого-либо тревожного слуха, то в речах отдельных солдат, то в разных полковых столкновениях с начальством. Но так или

иначе, путем умелых уступок солдатам и изъятия из их среды солдатских революционеров, внешнее спокойствие было завоевано, и правительство решилось возвратить в столицу гвардейский корпус.

Канун восстания 1825 года.

В начале 1820-х гг. русская армия походила на динамитную бомбу, совершенно безобидную по внешности, но готовую взорваться от малейшего сотрясения. Правительство хорошо расценивало положение вещей. Всякий свежий слух, всякое новое известие о малейшем беспорядке в войсках вызывали у петербургской власти новые спазмы едва улегшегося страха.

В октябре 1822 г. в Петербург пришло известие о каком-то происшествии в Тобольском полку. По выяснении дела, оказалось, что все оно сводилось к мелкому недоразумению с экономическими суммами в одной роте. Тем не менее, правительство успело пережить тяжелые дни тревоги и беспокойства.

Еще прежде того, в январе 1822 г., случилось столь же незначительное происшествие во II-й армии. Предоставим слово начальнику штаба, П. Д. Киселеву, весьма беспристрастно описавшему это происшествие: «При смене полковников начались расчеты, и тут оказались злоупотребления. Полковые, как и ротные командиры, повидимому, желали прикрыть утраченные деньги собственностью солдата. Все, вероятно, успели, но один Камчатского полка капитан вздумал вместо изворотливости употребить палки и роту противу себя поставил. Отказал деньги, отказал провиант и, наконец, когда глупый и корыстолюбивый начальник

вздумал за то наказывать каптенармуса, то рота просила помилования, а трое солдат, не видя успеха в просьбах, отняли палки у унтер-офицеров, вероятно, на то согласных, и доказали, что командир, потерявший нравственную силу, — против подчиненных вовсе остается бессилен».

Происшествие было, как будто, не стоющее внимания. Сам Киселев замечал, что «дело сие пустое и армейским полкам не новое». И все-таки, и Киселев, и корпусный командир Сабанеев, и петербургские власти забили тревогу. Шла она в двух направлениях. Прежде всего, в этом факте активного противодействия солдат начальству, можно было усмотреть опять-таки отзвуки семеновских событий. И Киселев старался успокоить питерские власти, приписывая это дело всецело инициативе четырех «глупцов». «Камчатское дело не есть полковое или же ротное — четыре побойчее солдата, из коих один сеченый бродяга, сделали непозволительное буйство».

Но было и иное обстоятельство, побуждавшее правительство с особенной бдительностью отнестись к этому происшествию. Камчатский полк принадлежал к дивизии ген. М. Ф. Орлова и входил в непосредственную зону его влияния. Недавний заговорщик [1]), представитель наиболее передовой части общества, Орлов, будучи назначен командиром 16-й пехотной дивизии, расположенной в Бессарабии, повел решительную борьбу с господствовавшими порядками и обычаями. Он очень быстро вывел в своей дивизии телесные наказания и вообще всякую жестокость в обращении с солдатами. В отношении офицеров, приверженцев старой школы, Орлов не знал пощады. Вот характерная вы-

---

[1]) Орлов только в 1821 г. отошел от тайного общества, но идейно оставался с ним связан.

держка из одного его приказа по дивизии, свидетельствующая о том, как круто вводил Орлов новые порядки:

«В Охотском пехотном полку гг. майор Вержейский, капитан Гимбут и прапорщик Понаревский жестокостями своими вывели из терпения солдат. Общая жалоба нижних чинов побудила меня сделать подробное исследование, по которому открылись такие неистовства, что всех сих трех офицеров принужден представить я к военному суду. Да испытают они в солдатских крестах, какова солдатская должность. Для них и для им подобных не будет во мне ни помилования, ни сострадания».

Подобные орловские приказы, читавшиеся по ротам, сами по себе являлись уже событием. Но это еще было далеко не все. Сообщая Закревскому о беспорядках в Камчатском полку, Киселев значительно добавлял: «Между нами сказать, в 16-й дивизии есть люди, которых должно уничтожить и которые так не останутся; я давно за ними смотрю, и скоро гром грянет». Киселев имел в виду, конечно, ближайших сподвижников Орлова — офицеров В. Ф. Раевского, К. А. Охотникова, И. П. Липранди, — членов тайного общества, которые, содействуя искоренению жестокости в обращении с нижними чинами, заботились и об общем развитии солдата. Ланкастерские школы взаимного обучения, возглавлявшиеся Раевским, являлись наиболее действенным средством для распространения в солдатской среде вольнодумства. Взаимоотношения Раевского с нижними чинами основывались всецело на их любви и уважении к нему, вследствие чего Раевский мог рассчитывать, что сумеет внушить им свои идеи.

В это время уже возникло Южное общество, вступавшее на путь активной пропаганды и стремившееся подготовить солдат к восприятию тех

истин, которые проповедывало общество. И вот тайные агенты доносили, «что Раевский в школе задабривает солдат и что прописи включают в себе имена известных республиканцев: Брута, Кассия и т. п.». Это было, несомненно, чрезвычайно остроумное агитационное средство. Если подобные фразы, глубоко западавшие в память солдат, и воспринимались ими чисто механически, то в известный момент они должны были в их сознании наполниться содержанием и призвать их к активному действию.

В том же направлении работали и другие кишиневские сподвижники Орлова. Подполковник Липранди наставлял часовых: «Не утаивайте от меня, кто вас обидел, я тотчас доведу до дивизионного командира. Я ваш защитник. Молите бога за него и за меня. Мы вас в обиду не дадим, и как часовые, так и вестовые наставление сие передайте один другому».

В конце концов, это была планомерная и настойчивая агитация, ставившая своей целью завоевание популярности, а вместе с ней и влияния в солдатской среде. Со временем эти заботливо посеянные семена должны были дать богатые всходы. Между тем, известное впечатление в солдатской среде уже сказывалось. 16-я дивизия получила название «орловщины». Киселевский агент доносил, что «нижние чины говорят: дивизионный командир наш отец, он нас просвещает». Они понимали, что Орлов «желает образовать дивизию по своему вкусу» и что это крайне не нравится корпусному командиру Сабанееву; «но даст бог, найдем правду», добавляли они. «Меньше говорим, да больше думаем — вот наше дело», многозначительно замечал один унтер-офицер.

Популярность Орлова, имя которого вскоре стало нарицательным, не органичивалась одной 16-й

дивизией. Дух и порядки, насаждаемые им, известным образом воздействовали и на других солдат. Это было тем более естественно, что в той же Бессарабии квартировала 17-я пехотная дивизия, командир которой, Желтухин, как мы уже имели случай упомянуть, являлся прямой противоположностью Орлову и вся система командования которого строилась на жестоких истязаниях. Несоответствие было слишком велико. Солдаты на неистовства Желтухина отвечали массовыми побегами за Прут, в Молдавию. Позднее, в 1823 г., когда уже и Орлова не было во II армии, правительству пришлось обратить внимание на это дело. Несколько солдат переправлены были обратно из-за Прута, при письме австрийского консула в Константинополе. Содержание этого письма должно было вызвать серьезные размышления у русского правительства. Число беглых солдат в Молдавии неуклонно росло. Некоторые из дезертиров, представленные султану, заявили, что солдаты в России совершенно изнурены голодом, зверскими истязаниями и беспрерывными учениями и что все солдаты сговорились, на случай объявления войны и перехода русских через Прут, бросить оружие и сдаться туркам. С такими пораженческими настроениями в солдатской среде мы уже встречались после семеновского восстания.

На допросе, учиненном им начальником турецких войск в Молдавии, беглецы объяснили, что не могут более жить на родине и потому бежали туда, где, как они слышали, христианам рубят головы, чтобы, таким образом, смертью купить освобождение от солдатской каторги. Один старый солдат так и разъяснил, что решил было наложить на себя руки, но потом рассудил, что лучше умереть от руки басурмана, ибо самоубийство есть грех.

Едва ли можно сомневаться в том, что во всем этом сказывалось косвенное влияние орловской агитации.

Настойчивая деятельность Орлова и его помощников, по упрочению своего политического влияния на дивизию и подготовке ее к перевороту, шла весьма успешно. Но она не оставалась и совершенной тайной для правительства, сознававшего серьезную политическую опасность, зревшую во II армии. В этом смысле и в свете этих событий понятны слова Киселева о людях из 16-й дивизии, «которых должно уничтожить»; понятно и то значение, которое придано было, по существу своему, незначительному происшествию в Камчатском полку. Оно явилось удобнейшим поводом убрать Орлова. Несколько прежде арестован был Раевский. Еще раньше, в апреле 1821 г., умер Охотников.

Кишиневская ячейка заговорщиков рассеялась.

Разгром кишиневской организации разрядил атмосферу собственно в 16-й дивизии. Но в армии в целом положение продолжало оставаться тревожным и угрожающим. Если бы начертить кривую солдатских настроений первой половины 1820-х гг., то, с некоторыми уклонениями, она бы все-таки неизменно стремилась вверх.

Эти солдатские настроения хорошо учитывались заговорщиками. «Цель Общества состоит в том, чтобы ограничить самодержавие в России, — писал декабрист Якушкин о решениях московского совещания, состоявшегося перед тем, в 1821 г.,— а чтобы приобресть для этого средства — признавалось необходимым действовать на войска и приготовить их на всякий случай».

Нужно, впрочем, отметить, что большинство будущих декабристов, в силу своей классовой природы, недостаточно ясно и отчетливо представля-

ло себе ту роль, которая в предстоящем перевороте должна выпасть на долю народа и армии. Поэтому планомерной агитации и пропаганды тайные общества не вели. Если одни заговорщики всецело рассчитывали на слепое повиновение и преданность к ним солдат, то другие, воспитанные на идеях XVIII века, полагали достаточным в самый момент восстания возвестить солдатам политические задачи переворота и тем увлечь их за собой.

Но, так или иначе, некоторые шаги в смысле пропаганды в войсках будущие декабристы предпринимали. В описываемое время, как известно, существовали уже два тайных общества, — Северное и Южное. Северное общество окончательно сложилось только в 1823 г., и на первых же организационных собраниях заговорщики пришли к убеждению в необходимости «распространения мыслей о лучшем порядке вещей» и о создании агитационной литературы. Попытки, предпринятые в этом направлении, не увенчались, впрочем, успехом. Зато сильное впечатление на солдат производили агитационные песни Рылеева, по самой форме своей предназначенные для распространения в широких народных массах. Таких горячих революционных песен много и во множестве списков ходило по рукам и заучивалось наизусть солдатами. Если молва и преувеличивала, всех их огулом приписывая перу Рылеева, то по крайней мере в отношении двух-трех доподлинно известно, что они были написаны им, частью совместно с А. А. Бестужевым, и распространялись именно с целью пропаганды в войсках.

Сильнее была развита пропаганда в Южном обществе. В этом отношении заговорщики встречали горячих и сильных адептов в лице бывших семеновских солдат. В непосредственное общение с ними члены Южного общества вошли летом

1825 г., во время лагерного сбора при м. Лещине. Пестель свидетельствовал, что сношения с семеновскими солдатами, служившими в 3-м корпусе, убедили заговорщиков в их готовности примкнуть к восстанию, и еще в том, что они имеют несомненное влияние на других солдат. Осюда делался естественный вывод, что таково же положение вещей и в 1-м, и во 2-м корпусах, хотя со служившими там семеновцами заговорщики не имели случая наладить связи.

Связь с семеновцами поддерживалась преимущественно через посредство возглавлявших наиболее действенную, Васильковскую, управу Южного общества С. И. Муравьева-Апостола и М. П. Бестужева-Рюмина. Это было тем проще и естественнее, что оба они, как мы знаем, прежде служили в старом Семеновском полку, и солдаты сквозь долгую разлуку пронесли свою прежнюю глубокую привязанность к Муравьеву. Помнили они и Бестужева-Рюмина, «еще портупей-прапорщиком, потому что он часто ходил под знаменами и, будучи молод, любил шутить с солдатами».

Сам Муравьев на следствии об этих сношениях своих с бывшими семеновцами отзывался крайне сдержанно и осторожно, пытаясь уберечь их от царского возмездия. «Я с ними разговаривал о тягости службы, бранил ее, — показывал он, — вспоминал их старый полк... говорил им, что я уверен, что они от своих старых офицеров никогда и нигде не отстанут, и тому подобные говорил им речи...» Более откровенно высказался по этому поводу Бестужев-Рюмин: «По мере того как семеновские солдаты узнавали, что С. Муравьев в лагере, они к нему приходили. Все изъявляли величайшее негодование; мы же им говорили, что если у них духу станет, то их участь скоро переменится», и при этом наставляли их ждать начала действий,

когда им надлежало делать, «что нами приказано будет», на что семеновцы отвечали выражением полной готовности.

Дошли до нас и показания самих семеновцев о встречах их с Муравьевым и Бестужевым. Из этих показаний отчетливо виден характер солдатской пропаганды, принявшей весьма широкие размеры, ибо за лето почти все бывшие семеновцы перебывали у Муравьева. С его слов Пестель передавал В. Л. Давыдову, что С. Муравьев склонил на сторону тайного общества несколько сот человек солдат. При этом Муравьев и Бестужев, сколько мы можем судить, действовали чрезвычайно рассчетливо. Наглядную схему ведения пропаганды дал в своем показании рядовой Анойченко, свидетельствовавший, что и всем другим семеновцам, «как мне известно, Муравьев говорил всегда одно и то же, что и мне».

Случайно встретив Анойченко с одним его товарищем, Муравьев зазвал их к себе. В это первое посещение, при котором присутствовало человек пять офицеров, Муравьев ограничился лишь тем, что расспросил солдат, где они служат, и дал им «на водку». При втором посещении присутствовал уже и Бестужев, и оба говорили, «что служба тяжела, что государь не хочет ничего сделать в наше облегчение, при чем Муравьев произносил против его особы дерзкие и непристойные ругательства. Говорил, что немного надо потерпеть и все переменится, что тогда солдаты будут жить в изобилии, будут иметь деньги и прочее, чтобы мы слушали только его, Муравьева, голоса и приказания и чтобы старались склонять и подговаривать прочих солдат следовать за ними, если откроется бунт».

Пробный камень, таким образом, был брошен и подхвачен. В следующее свидание Муравьев и Бе-

стужев уже заручились обещанием своих новых адептов «склонять прочих армейских нижних чинов, лучших в полку, чтобы и они пристали»... При этом велись те же разговоры. То же самое повторилось и при четвертом свидании. Муравьев и Бестужев уверенно и настойчиво внедряли в головы солдат дух возмущения, стараясь, вместе с тем, еще более привязать их к себе ласковым обращением и щедрой дачей «на водку».

Наконец, в последнее свидание перед выступлением корпуса на зимние квартиры присутствовало уже около пятнадцати солдат, — все и прежде посещавшие Муравьева. Это было чем-то вроде смотра новообращенных. На сей раз Муравьев давал солдатам наставления, как вести себя в дальнейшем, «произносил также ругательства против государя и против службы, уговаривал потерпеть немного, обещевая облегчение и во всем избыток; но при том говорил, чтобы вели себя хорошо по службе, были осторожны и поведением своим не дали бы какого подозрения начальству, наконец, чтобы всегда держались его стороны».

Кадр новых сподвижников в солдатской массе был создан. Но отметим одну существенную черту муравьевских приемов. Свою агитацию он строил всецело на профессиональных солдатских и экономических интересах нижних чинов. Эти последние должны были быть со временем удовлетворены, но как, каким путем, — этого солдат не должен был знать до времени. Тот же Анойченко свидетельствовал, что все солдаты понимали, «что это должно клониться к бунту против царской власти», но отмечал, что Муравьев самому делу «названия никакого не давал».

Привязать к себе всецело солдат, возбудить в них дух возмущения, играя на их профессиональных нуждах, довести их до такого состояния,

чтобы они, по первому знаку, возмутились, — такова была задача Сергея Муравьева. Политические цели революции должны были быть им возвещены в самый момент возмущения. Это последнее Муравьев и Бестужев и пытались осуществить в составленных ими «Православном катехизисе» и проекте «Воззвания».

Именно эта известная недоговоренность, оставшаяся в отношениях между заговорщиками и распрогандированными солдатами, служила поводом к разногласиям Муравьева и Бестужева с несравненно более радикально настроенными членами Общества соединенных славян, присоединившимися к Южному обществу тем же летом 1825 года. «Славяне» полагали, что в отношениях между заговорщиками и солдатами не должно быть места никаким недомолвкам, что необходима полная откровенность и чистосердечие. Один из виднейших членов этого Общества, И. И. Горбачевский, так рассказывал впоследствии о том, как велась Славянами агитация в 8-й и 9-й дивизиях.

«Они (Славяне) употребляли все возможные усилия к приготовлению своих подчиненных, старались, как бы слиться с ними, породнить их с своими мыслями и желаниями; они даже открыли им все свои намерения и, когда поверяли свои надежды, в сем случае Славяне... переступили, может быть, границы благоразумия; но, к их счастию и к чести русских, между нижними чинами не нашлось ни одного изменника; за доверенность своих офицеров они платили скромностью и верностью, слушали пылких Славян со вниманием, любопытством, хотя и не без удивления; некоторые из них даже клялись следовать всюду за добрыми, как они говорили, офицерами и, если нужно, умереть вместе с ними. Какое-то темное желание изменить суще-

ствующий порядок вещей волновало их ум и сердце; настоящее положение было им тягостно; они хотели перемены, но какой, — они в том не могли себе сначала дать ясного отчета».

Со временем пришло и это, более или менее отчетливое, представление о конечных целях восстания.

Не в пример членам Южного общества, Славяне знакомили солдат, как с фактом существования заговора, так и с конечными целями его. Для сего были у них разные возможности. Некоторые Славяне преподавали в солдатских школах. Бечаснов заведывал даже одной такой школой в артиллерии, которая вообще была сильнее всего подвержена духу возмущения. Дело велось, примерно, на тех же основаниях, как и в ланкастерской школе Раевского. Так, Бечаснов составлял для своих учеников прописи, которые наполнял вольнодумными цитатами о том, что человек должен пользоваться правами, которыми природа его наделила, и пр. Не ограничиваясь этим, Бечаснов вел среди солдат и непосредственную агитацию, равно как и большая часть других Славян. Пропаганда эта, ведшаяся, обыкновенно, по линии субординации, т. е. через солдатскую верхушку, унтер-офицеров, фельдфебелей, фейерверкеров к рядовым, шла глубоко вовнутрь, в солдатские массы.

На чем строилась эта агитация? Один из наиболее выдающихся членов Славянского общества, Я. М. Андреевич, рассказывал: «Когда войска разошлись (из лагерей), я с ротою пошел на квартиры... где во все время старался солдат склонить к действию, в чем, думаю, много успел. Для сего расспрашивал о их положении; уверял, что должны еще несколько потерпеть и, буде увеличится угнетение, то действовать лично, дабы получить облегчение». «Средства к возбуждению духа в сол-

датах, — объяснял Андреевич в другой раз, — были самые те примеры несправедливостей командиров, коим они сами свидетели, и доброе с ними обхождение со стороны членов».

Подобная агитация, построенная на солдатских нуждах, была, конечно, простейшим средством. Однако, Славяне находили и иные пути воздействия. Они указывали солдатам на «рабство и угнетение их отцов, матерей, братьев», в чем можно уже усмотреть связь солдатской пропаганды с крестьянским вопросом.

Возбуждая в солдатах «ненависть к правительству», Славяне, наконец, внушали им и те идеи, которые, как мы знаем, играли существенную роль в солдатском движении 1820—21 гг., именно, что «они есть основание всему, что на них держится вся слава государства и сего рода правительства, которое к ним столь несострадательно, и что стоит только им пожелать перемены законов, и тотчас все сделают».

О том, в какой мере силен был в солдатах дух возмущения, можно судить на основании того, что во время того же лещинского лагеря взбунтовалась рота Саратовского пехотного полка по первому призыву одного из заговорщиков. Рота эта, прежде того находившаяся под командой заговорщика Спиридова, возмущена была обращением с ней нового ротного. Солдаты заявили полковому командиру, что впредь не могут и не желают служить под командой этого ротного, и требовали его смещения. Командиру полка пришлось удовлетворить их претензии, ибо волнение грозило принять серьезные формы. Эта внезапная вспышка могла спутать все расчеты заговорщиков. Поэтому Муравьев поручил служившему в этой роте Анойченко прекратить беспорядки, коль скоро начальство пойдет на уступки, что тот

и исполнил, заверив одновременно Муравьева, что приведет к нему роту по первому требованию.

Происшествие это свидетельствует еще и о том влиянии, которое семеновцы имели на своих товарищей.

Агитация будущих декабристов подобна была меху, который раздувал пламя. Лучшим агитационным средством был самый порядок вещей и условия солдатской жизни. Андреевич справедливо замечал, что мятежное настроение настолько широко разлито в солдатской массе и «чувствующих так много, что, дабы истребить их, надобно потерять большую часть войска». Вождь Славянского общества, П. И. Борисов, утверждал, что «почти все нижние чины второй и первой армий недовольны их нынешней участию», и если, все-таки, недовольство это редко прорывается наружу, то только от того, что тому препятствуют «уныние, боязнь, пьянство, заставляющие их забывать все».

Солдатская пропаганда будущих декабристов, в какие бы формы она ни отливалась, имела полный успех: семена мятежа падали на глубоко взрыхленную почву. Заговорщики имели серьезные и веские основания рассчитывать на поддержку армии. Тревожные дни, ставшие памятной вехой революционного движения на рубеже двух царствований, в значительной степени эти расчеты оправдали.

ЛИТЕРАТУРА.

1. В. И. Семевский. Политические и общественные идеи декабристов. СПБ, 1909.

2. В. И. Семевский. Волнение в Семеновском полку в 1820 году. „Былое", 1907, №№ 1—3.

3. А. Е. Пресняков. 14 декабря 1825 года. Со статьей Г. С. Габаева „Гвардия в декабрьские дни 1825 года". Гиз, 1926.

4. С. Н. Чернов. Из истории солдатских настроений в нач. 20-х годов. „Бунт декабристов", под ред. Ю. Г. Оксмана и П. Е. Щеголева. Лнг., 1920.

5. С. Н. Чернов. К истории политических столкновений на Московском съезде 1821 г. Саратов, 1925.

6. С. Я. Штрайх. Брожение в армии при Александре I. П., 1920.

7. И. Ф. Рыбаков. Тайная полиция в „семеновские дни" 1820 года. „Былое", 1925, № 2.

8. Н. Ф. Дубровин. Русская жизнь в начале XIX века. „Русск. Старина", 1901, № 12.

9. Н. Ф. Дубровин. Письма главнейших деятелей в царствование имп. Александра I. СПБ, 1883.

10. М. Соколовский. После грома побед. (Русская гвардия в 1815—1834 годах). „Русск. Архив", 1906, № 12.

11. В. П. Никольский. Внутренний быт и состояние русской армии к концу царствования имп. Александра I. „История русской армии и флота", т. V, М., 1911.

12. Ф. А. Леев. Дореформенная армия. „Вестн. Всемирн. Истории", 1901, № 11.

13. Бумаги гр. А. А. Закревского. Тт. I—II. „Сборник русского историческ. общества." Т. т. 73 и 78.

14. М. И. Богданович. История царствования имп. Александра I. Т. V.

15. Н. К. Шильдер. Император Александр I. Т. IV.

16. Николай Михайлович. Император Александр I. Т. т. I—II. СПБ 1912.

17. Т. Шиман. Александр I. М., 1909.

18. П. Карпов. О военных поселениях при графе Аракчееве. „Русск. Вестник“, 1890.
19. Граф Аракчеев и военные поселения. СПБ, 1871.
20. А. С. Лыкошин. Поселения военные. „Энциклоп. словарь“, т. 48.
21. С. Н. Валк. Поселения военные. „Большая Энциклоп.“. Гранат.
22. Сборник историч. материалов, извлеченных из архива собственной е. и. в. канцелярии. Вып. V. Под ред. Н. Ф. Дубровина. СПБ, 1882.
23. А. Скальковский. Бугское казачество и военные поселения. „Киевская Старина“, 1887, № 12.
24. А. С. Пищевич. Бугские казаки и украинские уланы. „Киевск. Старина“, 1886, № 2.
25. Г. А. Верещагин. Материалы по истории бунтов в военных поселениях при Александре I. „Дела и дни“, 1922, кн. III.
26. О. Д. Татаринова-Багалівна. Нариси з історії військових поселень на Україні. „Юбілейний збірник на пошану акад. Д. И. Багалія“. Київ, 1927.

---

27. Столетие военного министерства, т. т. IV, VII и XI.
28. А. Рябинин. Уральское казачье войско. I. СПБ, 1866.
29. Ю. Костенко. Уральское казачье войско. „Военный Сборник“, 1878, XI.
30. Архив декабриста С. Г. Волконского. Под ред. кн. С. М. Волконского и Б. Л. Модзалевского. Т. I, ч. I. П. 1918, стр. 45—51.
31. И. М. Троцкий. Из истории противоправительственных настроений в России нач. XIX века. (Рукопись).
32. М. Свідзінський. Земська міліція 1806—1808 р. р. „Прапор марксизму“, 1927—1928.

---

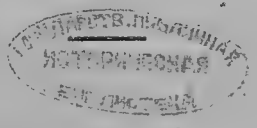
33. Семеновское дело. „Декабристы. Сборник материалов“. Лнг., 1926.
34. И. Ф. Вадковский. Записки о событии 1820 года. „Русск. Старина“, 1873, № 5.
35. М. И. Муравьев-Апостол. Воспоминания и письма. Предисл. и примечания С. Я. Штрайха. П., 1922.
36. К. Ф. Рылеев. Возмущение старого лейб-гвардии Семеновского полка в 1820 году. СПБ, 1905.
37. Гр. А. Х. Бенкендорф. Записка о возмущении в Семеновском полку. „Русск. Архив“, 1884, № 6.
38. Бумаги кн. И. В. Васильчикова и переписка его с кн. П. М. Волконским. „Русск. Архив“, 1870, № 10, 1871, № 12, 1875, №№ 3, 5—8, 12.

39. М. И. Богданович. Беспорядки в Семеновском полку 1820 года. „Вестник Европы", 1870, № 11.
40. П. Дирин. История л.-гв. Семеновского полка. Т. II. СПБ, 1883.
41. П. П. Карцов. Событие в л.-гв. Семеновском полку в 1820 году. „Русск. Старина", 1883, №№ 3—5.
42. В. И. Рачинский. О беспорядках 1820 года в л.-гв. Семеновском полку. „Щукинский Сборник". М. 1902, вып. I. (То же: „Русск. Архив", 1902, № 11).
43. С. Я. Штрайх. Первое восстание в Российской армии. ПБ, 1920.
44. С. Я. Штрайх. Восстание Семеновского полка. ПБ, 1920.

---

45. М. О. Гершензон. М. Ф. Орлов. (В его книге „История Молодой России").
46. П. Е. Щеголев. Катехизис Сергея Муравьева-Апостола. (В его книгах „Исторические этюды" и „Декабристы").
47. П. Е. Щеголев. Первый декабрист Владимир Раевский. (Там же).
48. Ю. Г. Оксман. Из писем и записок В. Ф. Раевского. „Красн. Архив", 1926, т. 6 (13).
49. Ю. Г. Оксман. Одеське „Гніздо Змови" 1825 року. „Прапор марксизму", 1928, т. I (2).
50. Ю. Г. Оксман. Восстание Черниговского полка. Материалы. Гиз, 1929.
51. Ю. Г. Оксман (при участии Б. Л. Модзалевского и Н. Ф. Лаврова). Декабристы. Отрывки из источников. Гиз, 1926.
52. М. В. Нечкина. Общество Соединенных Славян. Гиз, 1927.
53. И. П. Липранди. Воспоминания. „Русск. Архив", 1866, № 8—10.
54. С. Г. Волконский. Записки декабриста. СПБ, 1901.
55. И. Д. Якушкин. Записки. Под ред. Е. Е. Якушкина. М. 1925.
56. И. И. Горбачевский. Записки декабриста. Под ред. Б. Е. Сыроечковского. М., 1925.

См. также „Восстание декабристов. Материалы", т.т. I—VIII, особенно т. IV (следственные дела П. И. Пестеля и С. И. Муравьева-Апостола), т. V (следственные дела Соединенных Славян), т. VI (см выше, № 48).



ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Предисловие 3
Солдатский быт в начале XIX столетия 5
Восстания военных поселян. 37
Семеновское восстание 62
Солдатские волнения в 1820—21 гг. 80
Канун восстания 1825 года 101
Литература. 115

Открыта подписка на 1929 год

„НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ БИБЛИОТЕКА“

26 КНИГ, КАЖДАЯ ПО 4 ПЕЧАТНЫХ ЛИСТА

Годовая подписка (26 книг) . . . . 9 рублей.
Полугодовая (13 книг) . . . . 5 рублей.

В „НАУЧНО-ПОПУЛЯРНУЮ БИБЛИОТЕКУ“ ВОЙДУТ В 1929 ГОДУ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ:

№ 1. РУДНЕВ, В.— Крестьянское движение в начале XX века.
№ 2. АНИСИМОВ, С.— Восстание в Донецком бассейне.
№ 3. КУНКЛЬ, А.—Покушение Соловьева.
№ 4. КЛЕВЕНСКИЙ, М.—А. И. Худяков.
№ 5. ЛЕВИН, Ш.—Д. А. Клеменц.
№ 6. ЛИВШИЦ, С.— Партийные университеты подполья.
№ 7. ЛИВШИЦ, С.—Подпольная техника.
№ 8. ЧЕРНОВ, С.—После декабристов.
№ 9. ВАЛК, С.—„Народная Воля“.
№ 10. КОРДЕС.—Вера Засулич.
№ 11. ЭГГЕРТ.—В. Осинский.
№ 12. МИЛОВАНОВ.—Рабочее Знамя.
№ 13. ЛЕВИЦКИЙ.—В. Обнорский.
№ 14. ИКОВ, В.—Добролюбов как революционер.
№ 15. ГОРБУНОВ, М.— Журналистика „Народной Воли“.
№ 16. БАУМ, Я.— Лизогуб

и другие.

ЗАКАЗЫ И ДЕНЬГИ АДРЕСОВАТЬ:
Москва-34, Лопухинский пер., дом 5,
ИЗДАТЕЛЬСТВУ ПОЛИТКАТОРЖАН.

6-й год издания

Продолжается подписка на 1929 год

6-й год издания

На „ДЕШЕВУЮ БИБЛИОТЕКУ“

ИЗДАТЕЛЬСТВА ОБЩЕСТВА ПОЛИТКАТОРЖАН,

состоящую из 52 номеров, размером каждый в 1 печатный лист.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА на 1 год (52 номера)—4 р. 50 к.

В СОСТАВ БИБЛИОТЕКИ ВОЙДУТ СЛЕДУЮЩИЕ БРОШЮРЫ:

№ 1- 2. ЕРМАКОВ, А. И.—Из быта Сахалинской каторги. 88 стр. . . . . ц. 28 к.

№ 3. ЕРГИНА, Л. В.—С. А. Иванова-Борейшо. 32 стр. . . . . ц. 10 к.

№ 4. АНИСИМОВ, С.—Крестьяне и помещики на суде. 28 стр. . . . . ц. 10 к.

№ 5- 7. САМСОНОВ, М.—Коммуны ссыльных. 88 стр. . . . . ц. 28 к.

№ 8. АН-СКИЙ, С. А.—На конспиративной квартире. 56 стр. . . . . ц. 20 к.

№ 9-10. ЛУЖАЕВ, А.—История одного литейщика. 72 стр. . . . . ц. 24 к.

№ 11-12. ЛУРЬЕ, Г.—Два протеста. 68 стр. . . ц. 22 к.

№ 13. УРЯДОВ, А. Побег. 36 стр. . . . . ц. 12 к.

№ 14-15. ЖУКОВСКИЙ-ЖУК, И.—Губернатор Кияшко. 72 стр. . . . . ц. 24 к.

№ 16-17. ДРУЖИНИНА, З.—Ювеналий Мельников. 68 стр. . . . . ц. 22 к.

№ 18. РОЗАНОВ, В.—Через границу. 32 стр. ц. 12 к.

№ 19. ТРИГОНИ, М.—Алексеевский равелин. 40 стр. . . . . ц. 15 к.

№ 20-21. ВЕНЕДИКТОВ, В.—Лисий Нос. 64 стр. ц. 20 к.

№ 22. НАДЕЖИН, Г.—«Крещение». 32 стр. . ц. 12 к.

№ 23-24. МОШИНСКИЙ, И. Н.—Побег одиннадцати «романовцев». 64 стр. . . . . ц. 20 к.

№ 25. АНИСИМОВ, С.—Бессудная земля. 40 стр. . . . . ц. 15 к.

№ 26. СУШКИН, Г.—По этапам. 32 стр. . . ц. 12 к.

и другие.

ЗАКАЗЫ И ДЕНЬГИ АДРЕСОВАТЬ:
Москва-34, Лопухинский пер., дом 5,
ИЗДАТЕЛЬСТВУ ПОЛИТКАТОРЖАН.